

Р.А. Козлов

**УПОТРЕБЛЕНИЕ ОПЬЯНЯЮЩИХ ВЕЩЕСТВ
В СРЕДНЕЙ АЗИИ В XIX–XX вв.
(ПО КОЛЛЕКЦИЯМ МАЭ РАН)¹**

В статье занимающегося проблемами наркомании на протяжении многих лет медика Е.А. Брюна, опубликованной в журнале «Этнографическое обозрение», высказано предположение, что решению наркологических проблем мог бы помочь антропологический (имеется в виду этнологический) и культурологический подход с «конвергенцией имеющегося в науке теоретического и фактического материала» [Брюн 1998: 58].

В этнографическом аспекте консумация (употребление) наркотических веществ по всему Земному шару тесно коррелирует с хозяйственной деятельностью человека и характером его питания. Например, традиционная культура потребления алкогольных напитков вполне может быть связана с определенным опытом сельскохозяйственной деятельности, а употребление галлюциногенных грибов — с традициями собирательства и т.п. Таким образом, становится очевидным важность использования этнологических подходов к исследованию и последующему разрешению проблем наркомании, т.е. патологического пристрастия к наркотическим веществам.

Стоит сразу же ограничить проблематику такой «антропологии наркотиков» именно так называемым «немедицинским» употреблением наркотиков. Использование наркотиков в медицинских целях должно, очевидно, остаться за рамками наших интересов. В рамки «профессионального» употребления опьяняющих веществ можно с оговорками включить и специализированные формы наркотизма, как, например, употребление наркотиков для мистических или религиозных целей.

Объектом нашего исследования является не использование наркотиков в религиозных, мистических или медицинских целях, а особенности их бытового употребления на территории Средней Азии в XIX–XX вв.

Практика показывает, что узкоспециальный медицинский (психологический, психиатрический или наркологический) подход не дает желаемого результата, возможности медицины в этом смысле весьма ограничены и не раскрывают в полном объеме причины явления и возможные способы регулирования консумации наркотических веществ в разных культурах. Решению проблем, связанных с употреблением наркотических веществ могут помочь антропологические (этнологические) принципы и методы.

Источниками предлагаемой статьи послужили предметные, архивные, иллюстративные материалы МАЭ РАН, а также данные этнографической литературы.

¹Выражаю благодарность за помощь в работе М.Е. Резван.

© Р.А. Козлов, 2006

Использование музейных коллекций в качестве одного из источников исследования позволяет значительно расширить возможности работы. Непосредственный анализ предметов избавляет исследователя от создания отвлеченных схем и классификаций и автоматически вводит его в «узкий круг» затронутой проблемы. Коллекционные описи МАЭ РАН, составленные зачастую лучшими специалистами и собирателями, помогают эффективно ввести их в научный оборот, подробно и, главное, максимально достоверно определить функции того или иного предмета. Кроме того, изучение предметных коллекций (как собственно предметов, так и коллекционных описей) заполняет лауну, образованную вследствие отсутствия достаточного количества зафиксированного этнографического материала, и способствует максимально полному и наглядному раскрытию темы.

Употребление наркотиков в Средней Азии изучено этнографами в сравнительно малой степени. Отдельные сведения, касающиеся употребления опьяняющих веществ в интересующем нас регионе, скупы и отрывочны.

В настоящее время индустрия производства наркотиков резко расширилась, в оборот с «завидным» постоянством входят все новые и новые виды наркотических веществ (в основном синтетического происхождения), количество которых едва ли поддается учету. Все это заставляет нас ограничить рамки исследования «традиционными» (для изучаемой территории) опьяняющими веществами: производными растений *опиумного мака*, *индийской конопли* и *табака* разных видов.

В этнографической литературе XIX — начале XX вв. в употребляемом нами смысле широко эксплуатировалось понятие *опьяняющие (одурманивающие)* вещества. Понятие *опьяняющие вещества* используется и в современной медицинской литературе в тех случаях, когда представляется невозможным объединить ряд разнородных (седативных, стимулирующих и пр.) наркотических веществ в одну группу по какому-либо одному признаку, а также в ряде случаев — для обозначения всех *наркотических веществ* в совокупности.

Наша работа охватывает период с середины XIX в. до середины XX в. Нижний рубеж соответствует наиболее ранним и доступным опубликованным этнографическим сведениям по интересующей нас теме. При этом особенное внимание уделяется рубежу XIX–XX вв. Поставить такие хронологические рамки нас вынуждает и время поступления основной массы среднеазиатского коллекционного фонда.

Регион Средней Азии (в последнее время в научном и официальном лексиконе рассматриваемая территория все чаще называется *Центральной Азией*; этот термин, тем не менее, имеет более широкое значение [Masson 1992: 29–44; Гадло 1998: 3]) издавна населен этническими группами, которые принято разделять лингвистически на тюркоязычные, т.е. говорящие на языках тюркской группы алтайской языковой семьи (узбеки, киргизы, туркмены, каракалпаки и др.), и ираноязычные — говорящие на языках иранской группы индоевропейской языковой семьи (таджики, припамирские народности, джемшиды и др.) — этносы. Вместе с тем общий характер быта, хозяйства и исторической судьбы перечисленных народов позволяет объединить эти этносы в рамках одного региона.

Основными литературными источниками данного исследования являются этнографические описания рассматриваемого нами региона, выполненные отечественными и зарубежными исследователями и путешественниками.

Сведения по теме, содержащиеся в этих работах, носят отрывочный характер. Исследование интересующей нас стороны жизни коренного населения Средней Азии было затруднено по вполне понятным и объективным причинам. Очевидно, что употребление наркотических веществ тщательно скрывалось от посторонних глаз. По этой причине исследователям приходилось прибегать к разного рода уловкам и даже к обману местных жителей ради того, чтобы увидеть интересующий их процесс употребления наркотиков воочию. Так, исследователю А.Н. Самойловичу для того, чтобы проникнуть в тайный притон наркоманов-туркмен, пришлось переодеваться в платье текинца [Самойлович 1908: 12]. Практически к такому же способу исследования пришлось прибегнуть и бывшему миссионеру Н.П. Остроумову для изучения «гнусных удовольствий» сартов [Остроумов 1896: 271–272]².

Наиболее полное описание специфики употребления наркотиков во второй половине XIX в. встречается в «Очерках жизни и нравов Востока» Г. Вамбери, где целая глава посвящена *табаку и наркотическим средствам*. В книге присутствует сравнительная характеристика и особенности мусульманских стран Востока от Турции до современного Ирана и территории Средней Азии.

Множество интересующих нас сведений мы находим в масштабном описании Н.П. Остроумова по сартам. Указанный автор на протяжении многих лет жил и работал в Средней Азии, что позволило ему непосредственно контактировать с оседлым населением Туркестана, в том числе и высокопоставленными сартами, знакомиться с их жизнью, изучать быт.

В докладе «Из путевых этнографических наблюдений совместной жизни сарт и русских», прочитанном П.В. Путиловым в Западносибирском отделе Императорского РГО (1887 г.), наркотикам посвящен целый раздел. Во время своей поездки «от Тобольска до Ташкента» П.В. Путилов изучал причины возникновения периодических заболеваний у новобранцев российской армии, а также собирал материал по медицинской географии и этнографии. В докладе приводятся любопытные сведения о взаимовлияниях русских и коренных жителей Средней Азии, в частности о заимствовании тех или иных «возбуждающих и одурманивающих» веществ.

Большую помощь в работе оказало описание Туркестанского края, выполненное В.И. Масальским, которое содержит подробные хозяйственно-культурные характеристики интересующего нас региона.

Множество отрывочных сведений по интересующей нас проблеме мы находим в работах А. Вамбери, Е.К. Мейендорфа, В.П. и М.В. Наливкиных, А.Н. Фридриха, А.А. Семенова, А.Н. Куропаткина и др.

Из работ, опубликованных в советское время, значительную информацию содержат работы М.С. Андреева, Н.Н. Ершова и др.

² В описанном притоне, помимо употребления наркотиков, развлекались с бачами (вид гомосексуальных отношений), что еще больше затрудняло исследование ученого.

Для более подробной характеристики и описания коллекционных предметов автор работы опирается на исследования О.А. Сухаревой, Е.М. Пещеревой, Р.Я. Рассудовой и др.

Помимо литературных источников в работе широко использовались музейные материалы: предметы по теме «Наркотики и предметы, связанные с ними» из фондов отдела Центральной Азии МАЭ РАН, материалы к коллекциям, коллекционные описи, иллюстративные материалы (фотографии, схемы и рисунки) и пр.

Предметы по теме «Наркотики» включают *предметы для сбора/изготовления наркотических веществ* (камни для растирания табака и наркотиков, различные ступки, песты, жернова и т.п.), наборы предметов для сбора производных опиумного мака, *предметы для хранения наркотических веществ* (табакерки, кисеты, сосуды); *предметы для употребления наркотических веществ* (трубки, кальяны (чилимы) и различные дополнения к ним (насадки, наворачия, щипцы и т.п.).

Практически все центрально-азиатские коллекции МАЭ имеют достаточно подробные описания, выполненные (часто во время полевых этнографических работ) видными исследователями Средней Азии — И.И. Зарубиным, Г.Г. Гульбиным, Э.Г. Гафферберг, А.Л. Троицкой и др.

Неоценимую помощь при работе с коллекционными фондами оказал Каталог коллекций отдела Средней Азии и Казахстана МАЭ, составленный О.М. Бронниковой и В.А. Вишневецкой.

Особенности употребления опьяняющих веществ в Средней Азии в XIX–XX вв.

Употребление производных опиумного мака и конопли. В рассматриваемом регионе ко времени прихода туда царской администрации широко употреблялись производные двух растений: опиумного мака и индийской конопли. Н.П. Остроумов в своей книге далеко не случайно замечает, что в отношении к «одуряющим веществам» население Средней Азии оказалось с «давнишнею склонностью» [Остроумов 1896: 9].

Из конопли производили гашиш (*наша*) и марихуану (*банг*). Оба этих вещества чаще всего употребляли путем курения. Марихуана является самым дешевым и простым наркотическим веществом, добываемым из конопли. И именно она, вероятно, была в большом употреблении в Средней Азии даже в середине XX в. [Ершов 1970а: 246]. Из опиумного мака получали *кукнар* (отвар из незрелых головок опиумного мака), *тариак* и собственно *опиум*.

Употребление опиума на территории Средней Азии имеет, в отличие от консумации табака, древнюю историю. Еще один из крупнейших среднеазиатских ученых — Авиценна (980–1037) — принимал опиум, используя его как лекарство от некой «кишечной болезни» [Нуралиев 1981: 33–34]. Известно, что в средневековой Средней Азии опиум широко применялся в качестве противодиарейного средства [Нуралиев 1981: 65]. Следствием многовековой культуры консумации опиума являлись достаточно устойчивые представления о его лечебных свойствах. Так, население Каратеги-

на и Дарваза даже в середине XX в. считало опиум противоядием и лечебным средством при кашле [Ершов 1970а: 246]³.

Сама культура выращивания опиумного мака в Туркестане к началу XX в., по описанию В.И. Масальского, была развита относительно слабо. С целью опьянения чаще всего употреблялся *кукнар* — наркотический напиток, настоянный на воде из незрелых головок мака [Масальский 1913: 402]. А.Н. Фридрих пишет, что *кукнар* — это «нечто вроде нашего нюхательного табака, щепотку которого бухарец кладет под язык и сосет его...» [Фридрих 1910: 23]. Однако в данном случае ученый явно заблуждается, принимая за препарат опия изготовленный из табака насвай, употребление которого мы рассмотрим ниже. По словам Н.Н. Ершова, горные таджики широко употребляли «*кукнор* — отвар головок мака» [Ершов 1970а: 246]. В «Перечне лечебных средств», употребляемых горными таджиками, можно найти *шарбаты кукнор* — маковый сироп. По сведениям, содержащимся в «Перечне...», этот сироп принимали при простуде и кишечных расстройствах [Ершов 1970б: 266].

В этот же период, на рубеже XIX–XX вв., культура мака была более распространена среди дунган Семиреченской области, чем среди тюрко-иранского населения. Дунгане получали из опиумного мака собственно опий. На производство в этом районе опиума оказывало большое влияние ситуация в соседнем Китае. Так, ввиду запрещения производства опиума в этой стране к началу XX в. русскими исследователями отмечалось значительное увеличение числа посевов опийного мака в Семиречье и наоборот [Масальский 1913: 402]. В связи с этим можно вспомнить слова П.В. Путилова, который наблюдал проникновение из Китая опия в среду киргизов-ямщиков Семиреченской области Туркестана [Путилов 1887: 9].

Можно предположить, что среди оседлого населения Средней Азии большее распространение получило употребление тех опьяняющих средств, которые можно было курить в кальяне. Видимо, это должна была быть «наша» (гашиш), поскольку в фондах МАЭ нами не было зафиксировано специальных приборов для курения гашиша в отличие от приборов для консуляции опиумных препаратов. Вероятно также, что это связано с устойчивыми традициями курения кальяна, которых мы еще коснемся далее.

В доступных нам этнографических описаниях употребления наркотиков в Средней Азии часто фигурирует такой препарат опия, как *тариак*. По одной из составленных Авиценной классификаций медицинских препаратов, приведенной в исследованиях Ю.Н. Нуралиева, «тарьяки» представляют собой «ядовитые вещества, обладающие противоядными свойствами» [Нуралиев 1981: 164, 178].

Видимо, первоначально тарьяк (другие встречающиеся в литературе варианты написания — *тарьёк*, *тариак*, *териак*) представлял собой некий опиумный препарат, используемый для лечения болезней желудка, предположительно вызванных отравлением. Позже это слово перешло в ирано-

³ Лечебным средством от кашля опиум считается и в современном Таджикистане (по устному сообщению Р.Р. Рахимова).

таджикской медицине на противоядие вообще, а в народной среде сохранилось, вероятно, как обозначение опиумного наркотического препарата.

А.Н. Самойлович в начале XX в. отмечает, что употребление перорально «*терьяк*» (сгущенный маковый сок) и курение последнего» стоят в ряду развлечений взрослых мужчин-туркмен [Самойлович 1908: 11]. Как пишет А.Н. Самойлович, «курильщики в один голос заявляли, что само курение <терьяка> — дело тяжелое, но зато неопишимо приятно его последствия: грезы опьянения» [Самойлович 1908: 12]. Практически в этот же период В.И. Масальский отмечает, что среди туркмен курение опиума распространилось лишь «в последнее время» [Масальский 1913: 388]. Вероятно, исследователь имел в виду именно тариак.

Также с глубокой древности в рассматриваемом нами регионе применялись препараты, произведенные из конопли. Известно, что в арабо-персидско-таджикской медицине в качестве анестезии применялись различные сочетания производных конопли, например сочетание банга с вином и др. [Нуралиев 1981: 65].

В начале XX в. индийская конопля встречалась изредка [Масальский 1913: 454]. Растение сеяли по окраинам полей и плантаций. Из цветочной части конопли, истолченной в ступке с небольшим количеством конопляного масла, производилась *анаша* (т.е. *марихуана*) и *гашиш* [Масальский 1913: 454]. В середине XX в. среди горных таджиков марихуана, как отмечает Н.Н. Ершов, уже находилась «в большом употреблении» [Ершов 1970а: 246].

Гашиш мог использоваться и как орудие преступления: мошенники, прекрасно зная об усыпляющих свойствах «наши», добавляли его в пищу потенциальной жертвы, а потом грабили. В списке «Уголовных преступлений сартов Турестанского края в 1894 году», приводимых Остроумовым, описан один подобный случай [Остроумов 1896: 85].

По отчетам Ташкентского военного госпиталя, на территории Туркестанского края существовал целый ряд сортов гашиша; подобно тому, как в состав восточных сладостей мог входить насвай, изготавливались разного рода сладкие лепешки и конфеты с гашишем [Остроумов 1896: 9].

Практически все исследователи второй половины XIX в. связывают высокий уровень употребления наркотиков с исламскими религиозными запретами. Г. Вамбери, противопоставляя достаточно свободное употребление вина в Персии строгим запретам на алкоголь в Афганистане и Центральной Азии, замечал, что «<...> тем неудержимее предаются жители этих стран страсти к другим одуряющим веществам, как, например гашишу и опию <...>, действие которых <...> оказывается гораздо пагубнее действия спиртных напитков» [Вамбери 1877: 94]. А. Вамбери пишет, что, несмотря на то, что строгие законы ислама «под страхом смерти» запрещают употребление алкогольных напитков, порока они тем самым не искореняют, «ибо кто хочет возбуждать средства, тот прибегает к опиуму, тариак или другим наркотическим ядам» [Вамбери 1868: 112–113].

По данным русскоязычных источников, употребление наркотиков на территории Средней Азии уже на рубеже XIX–XX вв. носило характер социального бедствия. В разных частях региона преобладали те или иные

виды наркотических веществ. С приходом русских в Туркестане большее распространение получают спиртные напитки, которые, однако, не решают проблему консумации опьяняющих веществ. В некоторых местностях Средней Азии употребление алкоголя, видимо, по религиозным соображениям, находилось под более строгим запретом, чем употребление гашиша и опиума. Так, Н.Н. Ершов, описывая быт таджиков Каратегина и Дарваза в 1950-е годы, отмечает, что среди них было широко распространено употребление банга и кукнара, а употребление гашиша, тариака и опиума было распространено меньше [Ершов 1970а: 246]. Интересно, что, по словам исследователя, употребление описанных производных опиумного мака и конопли не осуждалось, в отличие от консумации спиртных напитков. В ходу были даже специальные оскорбительные клички для употребляющих спиртные напитки.

В этой связи интересно, что население крупных городов в конце XIX в., видимо, ничего не имело против употребления алкоголя. Так, П.В. Путилов пишет, что сарты, после того как русские спиртные напитки стали легко доступны, «не только пьют, но даже начинают пьянствовать с увлечением новичков, что тем более печально, что они, согласно религиозным предписаниям, пьют не вино, запрещенное им, а водку, о которой в Коране вообще ничего не сказано» [Путилов 1887: 10].

Очевидно, что русское влияние на употребление спиртного в рассматриваемом нами регионе имело существенный противовес в лице влияния обратного (на русских со стороны сартов). П.В. Путилов отмечал случаи употребления опиума и гашиша среди русских солдат, расквартированных в Туркестане [Путилов 1887: 10]. Видимо, армия, вынужденная приспособливаться к местным условиям и обычаям, стала первой «мишенью» такого туземного влияния. Вторым этапом стало распространение производных опиума и конопли среди русских переселенцев [Масальский 1913: 454].

Мода на употребление опиума являлась таким же достоянием высших слоев среднеазиатского общества, как и курение кальяна. В начале XIX в. Е.К. Мейендорф замечал, что предполагаемый наследник бухарского престола, «потеряв вкус к плохому бухарскому вину, ежевечерне опьянял себя опиумом» [Мейендорф 1975: 145]. Н.С. Лыкошин отмечал, что кокандский властитель Малла-хан (1858–1862) был подвержен слабости: «он поддерживал свои угасающие силы препаратом опия (тариаком)» [Лыкошин 1916: 402].

Русское правительство Туркестанского края всеми средствами пыталось остановить распространение наркомании на подвластной России территории. Н.П. Остроумов приводит случаи, когда по распоряжению Туркестанского генерал-губернатора в местной туземной прессе печатались «популярные разъяснения вредного действия этих средств [гашиша и кукнара. — *Р.К.*] на организм» [Остроумов 1896: 72].

П.В. Путилов отмечал, что повсюду на базарах и в открытых лавках Средней Азии из курительных приборов, переходящих из рук в руки, «слышится запах наши», однако при сосредоточении внимания прохожих русских эти приборы заметно отставляются подальше [Путилов 1887: 9].

Местное мусульманское духовенство, видимо, с подачи русской администрации также официально распространяло воззвания, направленные против употребления наркотиков. А.А. Семенов в своих «Очерках Зерафшанских гор...» приводит любопытную сказку «о курильщике банга и о его мнимом богатстве», в которой наркоман терпит серьезные неприятности из-за своего пристрастия. Эта сказка, явно направленная против употребления наркотиков, была записана со слов муллы таджикского кишлака в верховьях Оби-Хингоу [Семенов 1903: 103–105].

Русские исследователи Средней Азии наперебой пишут о вреде наркотиков. А.Н. Фридрих отмечает, что курение в начале XX в. бухарцами опиума и гашиша «сильно отражается на народном здравии» [Фридрих 1910: 23]. Н.П. Остроумов пишет, что курение гашиша и употребление кукнара, оказывающих разрушительное действие на организм, представляют собой однозначное «зло в среде сартов» [Остроумов 1896: 72].

П.В. Путилов даже выводит из пристрастия к наркотикам гомосексуальные наклонности некоторых сартов. «Непосредственное влияние гашиша на людей Востока, — пишет исследователь, — возбуждение эротической фантазии. Но злоупотребление опиумом и гашишем имеет еще и другую сторону. Оно путем психопатического мозгового вырождения может иногда вести к древнему пороку Ваал-Фегора, прославившему Калигулу, Гелиогабала, Нерона и Адриана <...> и который от древних персов перешел и в рассматриваемую нами местность, где откровенно “батчи” сопровождают седых и почтенных на вид аксакалов и танцуют на их пирушках» [Путилов 1887: 13].

Официальная политика борьбы с наркоманией приводила к довольно типичным результатам — мода на употребление наркотиков уходила в «подполье». А.Н. Самойлович замечал, что, поскольку приверженцы употребления «терьяка» считаются как русскими, так и туркменами людьми неспособными, они преследуются и караются, «потому и укрываются по тайным притонам» [Самойлович 1908: 12]. Существовали притоны, в которых любители предавались помимо различных азартных игр (в карты, кости и др.) и гомосексуальным развлечениям с *бачами*, пьянству, курению гашиша (*наша*), употреблению *кукнара* (суррогат опия) [Масальский 1913: 402].

В книге А.Н. Самойловича можно найти описание наркопритона (*терьяк-кеш*) у туркмен начала XX в. Переодевшись текинцем, исследователю удалось вечером (время, когда, видимо, там собирались наркоманы) проникнуть в притон наркоманов Асхабадского уезда. В глинобитной сакле (там) располагались около восьми человек: текинцы, персы и персиянка, с которой жил текинец — хозяин сакли. Они сидели или лежали на кошме и потягивали из чилима табак, пока один из них курил терьяк через специальное приспособление [Самойлович 1908: 12].

В статье А.Л. Троицкой, посвященной дервишам Узбекистана, мы также находим описание типичного притона для употребления наркотиков, правда, расположенного в общежитии дервишей-каландаров — *бувахана* (тадж. бувахона — дедов дом) — помещении, напоминающем чайхану, в котором продавались наркотики: гашиш, опиум и кукнар. Помимо нарко-

тического товара в бувахане продавались чай, лепешки и сладости [Троицкая 1975: 193–194].

А.Л. Троицкая отмечает тот факт, что притоны, подобные описанной бувахане, располагались в различных частях Ташкента. В подобных заведениях существовали особые правила «хорошего тона»: хозяин не допускал никаких бесчинств, держал посетителей в строгости, «изгонял буянов». Днем в подобных притонах употребляли анашу и кукнар, а ночью курили опий [Троицкая 1975: 219].

Вот, что пишет о наркоманах Средней Азии Н.П. Остроумов: «Подверженных этой слабости сартов можно узнать с первого взгляда. Они имеют страшный вид: необыкновенно худое лицо землистого цвета и впалые сонливые глаза; голова, свалившаяся на плечи или на грудь, а руки трясущиеся. Поминутно их клонит дремота» [Остроумов 1896: 72]. А вот описание Н.С. Лыкошина: «<...> желтолицые, изможденные, с блестящими глазами “кукнари” (курильщики опия и наши) со своим аксакалом <...> (примеч. Н.С. Лыкошина: и в этой общине погибших жертвою пагубной слабости людей также есть особый, как бы цеховой староста)» [Лыкошин 1916: 411].

Если существовала группа людей, постоянно употреблявших наркотики, и для них открывались специальные подпольные притоны, то можно говорить и об особой субкультуре наркоманов. Естественно, что люди с такой выделяющейся патологической внешностью стремились друг к другу: в такой группе появлялся своеобразный «харизматический» лидер (вроде «цехового старосты»). Этот лидер, видимо, занимался организацией притонов, ведал обеспечением необходимыми наркотиками и т.д.

Итак, на территории Средней Азии с давних времен существовала особая культура употребления наркотических веществ — изготовленных на основе опиумного мака (кукнар, тариак, опиум) и конопли (гашиш, марихуана).

Чаще всего указанные опьяняющие вещества употреблялись путем курения. В фондах МАЭ имеется ряд приборов для курения опиума, напоминающих кальян или трубку. Гашиш, вероятно, курили в кальяне или приборе для употребления опиума.

Можно предположить, что для употребления этих наркотиков существовали и иные, более примитивные приборы, подобно описанным Е.К. Мейендорфом «земляным ямкам».

Употребление табака. Трудно точно привязать распространение табака в рассматриваемом регионе к определенному хронологическому периоду. По данным ряда исследователей (в частности, Е.К. Мейендорфа), в начале XIX в. табак на территории Средней Азии еще не получил того распространения и популярности, которыми он пользовался во второй половине XIX столетия. Г. Вамбери в своем труде, посвященном «жизни и нравам Востока», отмечает, что толкователи Корана в своих рассуждениях о «запрещении всех опьяняющих средств» упоминают о табаке «лишь в последнее время». Тот же автор, акцентируя внимание на отсутствии упоминания о табаке во всей классической персидской и турецкой литературе, делает вывод о сравнительно позднем времени появления и популярности

табака на Востоке [Вамбери 1877: 96–97]. Что же касается непосредственно Среднеазиатского региона, то у нас имеются сведения о жестоких наказаниях для курильщиков табака и пьяниц (вплоть до смертной казни), которым они подвергались еще в конце XVIII в. при бухарском эмире Шах-Мураде (1785–1799) [Масальский 1913: 298].

Можно, таким образом, предположить, что табак начинает проникать в регион где-то в указанное время — конец XVIII — начало XIX в. Именно этот период характеризуется жестокими репрессиями против любителей табака. Интересно, что такой период в Турции приходится на первую треть XVII в. — время правления султана Мурата IV (1623–1640), который такими же жестокими мерами пытался остановить распространение табакокурения.

Уже к концу XIX в. появляются строго регламентированные религиозные предписания относительно употребления табака. Н.С. Лыкошин отмечает, что в период поста Рамазан запрещалось, помимо всего прочего, курение и жевание табака [Лыкошин 1916: 201]. За несоблюдение поста (подразумевавшего и запрещение употребления табака) в Бухарском ханстве рубежа XIX–XX вв. полагались тюрьма и палки [Фридрих 1910: 23]. Все это говорит о прочном вхождении табака в культуру народов Средней Азии. Итогом этого процесса стало то, что употребление табака в первой трети XX в. прочно вошло в «ряд развлечений взрослых мужчин», как замечает относительно туркмен А.Н. Самойлович [Самойлович 1908: 11]. В этот же период складываются те традиции употребления табака в Средней Азии, о которых речь пойдет ниже.

Точно так же неясен вопрос и о регионе, из которого пришла в Среднюю Азию мода на употребление табака.

Как уже говорилось, в отдельных исламских государствах Средней Азии употребление табака в XIX в. находилось под жесточайшим контролем со стороны светских и духовных властей. По словам Е.К. Мейендорфа, большинство жителей Бухарского ханства не курили по религиозным причинам (поскольку «Коран запрещает употреблять любой наркотик»). Поэтому в Бухаре осмеяли посланника самого турецкого султана, который осмелился закурить трубку в пределах города [Мейендорф 1975: 144]. В то же время, как отмечает тот же Мейендорф, бухарские рабы персидского происхождения много курили кальян. В связи с отсутствием прибора для курения ими употреблялся примитивный способ курения через две выкопанные в земле ямки, в одну из которых закладывалось табачное зелье, а посредством другой табачный дым втягивался в рот [Мейендорф 1975: 144].

О.А. Сухарева полагает, что цитируемое сообщение Е.К. Мейендорфа отражает первый этап распространения в регионе табака, который был завезен, по ее мнению, персами. «То высокое положение, — пишет О.А. Сухарева, — которого достигли многие из этих рабов и их потомков, нередко занимавших высшие придворные должности, несомненно, делало их обычай примером для подражания и позволяло им придерживаться своих обычаев достаточно открыто» [Сухарева 1953: 121]. В то же время, несомненно, имело место влияние на регион турецкой моды и обычаев.

Таким образом, мы можем выделить два региона, которые являлись основными распространителями моды на табак в Средней Азии: это Турция, где курение табака зафиксировано еще с XVII в., и Персия, о чем пишет О.А. Сухарева. Основным двигателем турецких заимствований являлась, очевидно, схожесть религии (суннитская форма ислама), а персидских — территориальная близость, близость языка (здесь имеется в виду восточно-иранское население Средней Азии) и предположительно то высокое социальное положение, которое занимали рабы персидского происхождения, о которых мы упоминали выше.

Табак в рассматриваемом нами регионе традиционно употреблялся двумя способами: через курение («белый табак») и путем закладывания под язык («жевательный», или «зеленый», табак). В начале своего распространения по Средней Азии (чаще всего среди оседлого населения крупных городов) табак употреблялся преимущественно путем курения.

В данной работе не ставится задача проследить историю курения в Средней Азии, но мы не можем не сделать по этому поводу ряд замечаний. Вероятнее всего, курение на территории региона как культурное явление появляется значительно раньше того периода, когда в регионе стал известен табак. Одним из самых ранних свидетельств употребления наркотических веществ в Старом Свете является замечание «отца истории» Геродота о вдыхании дыма плодов неизвестного растения племенами масагетов (северное побережье Каспийского моря), которые «опьянялись дымом от этих плодов, как эллины опьяняются вином». Таким образом, можно предположить, что курение в Средней Азии ко времени появления табака имело многовековую культурную традицию. Это не могло впоследствии не повлиять на среднеазиатскую практику употребления табака.

По свидетельству Германа Вамбери, в XIX в. курение табака занимало первое место среди «всех источников наслаждения, завоевавших себе право гражданства во всей огромной области магометанского общества». Табак и трубка уже перестали быть предметами роскоши, превратившись в предметы первой необходимости. Они пользовались практически одинаковым значением как в «великолепных дворцах Стамбула, так и под войлочной палаткой бедного среднеазиата, который не только не ел, но даже и не видел никогда хлеба, после куса вяленой конины и глотка прокислого кумыса, трубка доставляет ему величайшее блаженство» [Вамбери 1877: 96].

Предположительно иранскому влиянию можно приписать некоторые особенности среднеазиатского табакокурения. Большая часть среднеазиатских приборов для курения табака (чилимов), имеющих в фондах МАЭ и бытовавших среди таджиков и оседлого населения Западного Туркестана (т.е. смешанного тюрко-иранского населения Мавераннахра), практически тождественна именно «персидской трубке», т.е. кальяну, а не привычной нам трубке, использовавшейся в Турции. (Заметим, что вопрос о происхождении кальяна также остается открытым, и до настоящего времени ученые расходятся во мнении о родине этого прибора, отстаивая его индийское, турецкое, иранское и др. происхождение. Мы же именуем кальян «персидской трубкой» вслед за Германом Вамбери, который называл

кальян именно так, видимо, исходя из того факта, что в нем использовался только особенный — ширазский (персидский) — табак.)

Конструктивные особенности кальяна свидетельствуют о том, что его можно курить только в определенном положении (чаще сидя), причем после довольно продолжительной подготовки. Приготовление же для курения привычной европейцам трубки не занимало столько времени (если, конечно, не так строго придерживаться турецкого этикета). Тем не менее сама трубка разных видов была доступна далеко не каждому. Следствием этого явилось, видимо, то обстоятельство, что на территории Средней Азии курение кальяна распространялось, главным образом, в среде зажиточных горожан и в XX в. кальян курили исключительно богачи. Остальное население использовало примитивные способы курения (например, через земляные ямки), а потом и вовсе перешло на употребление жевательного табака. Вместе с тем кальян мог употребляться для коллективного курения, например в большой компании курящих, которые затягивались табаком по кругу. «Затяжку» из кальяна могли продавать, чем и занимались специальные торговцы на рынках больших городов.

Являясь чем-то средним между «турецкой» и «персидской» трубками, приборы, имеющиеся в фондах МАЭ, употреблялись для курения опиума и гашиша, которое также чаще всего совершалось коллективно. Образцы же привычной нам трубки в фондах МАЭ по Средней Азии отсутствуют.

Преимущественное распространение на территории Средней Азии кальяна можно, вероятно, объяснить также попыткой приспособления зарубежных традиций табакокурения к местным условиям и традициям.

Известно, что в Средней Азии множество традиций связано именно с коллективным приемом пищи, употреблением напитков и пр. Можно предположить, что коллективное курение кальяна больше соответствовало среднеазиатскому менталитету, нежели курение «индивидуальной» трубки.

Производство медных кальянов на территории Средней Азии представляло собой довольно трудоемкую задачу вследствие дороговизны металла. К началу XX в. уровень такого производства сильно упал. Кроме того, даже до этого времени местные ремесленники предпочитали покрывать узорами привозные изделия [Масальский 1913: 533]. Серебряные же кальяны, очевидно стоившие очень дорого, изготавливались, главным образом, по заказу состоятельных «туземцев» — эмиров Хивы, Бухары и иных [Масальский 1913: 533–534].

подавляющее большинство среднеазиатских кальянов в фондах МАЭ изготовлено из плодов несъедобной разновидности тыквы-горлянки кавак или каду (лат. *Lagenaria vulgaris*). Еще В.И. Масальский отмечал, что тыква-горлянка разводится в Западном Туркестане практически повсеместно, главным образом на приусадебных участках [Масальский 1913: 472]. Это растение имело большое значение в быту местного населения, так как из плодов горлянки изготавливалась достаточно легкая и небьющаяся посуда. Из самых маленьких плодов тыквы-горлянки изготавливались, как правило, табакерки для хранения жевательного табака, а из плодов побольше — основная часть кальяна (емкость для воды).

Очевидно, что тыква-горлянка больше подходила для производства кальяна, чем «турецкой» трубки. Ее плоды, которые при созревании становятся внутри полыми, легко могли быть превращены в сосуд с твердыми прочными стенками. Такие удобные в изготовлении и использовании сосуды были широко распространены и доступны. Кроме легкости в изготовлении, на тыквенные сосуды можно было легко нанести орнамент. В начале XX в. украшение плодов горлянки узорами было развито, по некоторым свидетельствам, главным образом в Ура-Тюбе [Масальский 1913: 472].

Заметим, кроме того, что использование очищенных от семян и внутренностей плодов растений в качестве составной части курительного прибора не было, конечно, среднеазиатским изобретением. Некоторые исследователи в качестве прообраза кальяна называют восточные же «водяные трубки» наргиле (нарджил), которые изначально изготавливались из скорлупы кокосового ореха. Позже кальян стали изготавливать из других материалов, но старались придерживаться той же формы [Вамбери 1877: 103]. В Средней Азии изготовление частей чилима из тыквы-горлянки впоследствии также повлияло на форму частей кальянов, изготавливаемых из других материалов.

Следует сказать несколько слов и о статусе курильщика трубки, кальяна, а также о соответствующем этикете. Так, в Турции, которая была для мусульманского мира XIX в. столицей табачной моды (по словам Г. Вамбери, в Османской империи, несмотря на первоначальные запреты, «курение было возведено до культа» [Вамбери 1877: 97]), был выработан крайне сложный церемониал, касавшийся табакокурения. В Турции и Персии, где к трубкам и мундштукам предъявлялись очень высокие требования, существовали особые трубки соответственно разному душевному состоянию человека, полу, возрасту, времени года и т.п. Интересно, что трубка для турка являлась своего рода наглядным выражением его социального статуса. Г. Вамбери отмечает, что длина трубки должна была соответствовать рангу человека. Кроме того, особые правила существовали и относительно самого характера ее курения. Если паша мог пускать клубы дыма «как паровик», то подчиненный в его присутствии — только мелкие колечки дыма и то в сторону. Чужестранцу в кофейне выбирали трубку «по бороде и платью», т.е. согласно его предполагаемому статусу. Отказываться от предложенной трубки считалось верхом неприличия, также неприлично было вытирать слюну с мундштука [Вамбери 1877: 100–103]. Если согласиться с нашим предположением о том, что Турция того времени являлась для суннитского мира Средней Азии своеобразной «столицей мод», то очевидно, что по крайней мере представители среднеазиатской социальной верхушки должны были в той или иной степени заимствовать какие-либо элементы турецкого курительного этикета. Вероятно, что как раз курение кальяна, доступное далеко не всем, и должно было являться показателем большого веса его обладателя в обществе.

Любопытно сходство традиций среднеазиатского курения и персидского этикета. Одним из строгих правил курения в Персии была поочередная затяжка кальяном («затянуться один раз и передать соседу»), если курение совершалось коллективно [Вамбери 1877: 107]. Подобного рода прак-

тика встречается и в имеющихся в нашем распоряжении литературных источниках по Средней Азии, согласно которым каждый из курящих затягивался по одному разу. Приведем описание Бухары А.Н. Фридрихом: «Во время обеда прислуга то и дело раздувает кальян и подносит его гостям, которые по очереди делают одну затяжку и передают следующему» [Фридрих 1910: 23].

Курение кальяна было распространено в основном среди таджиков и смешанного тюрко-иранского (оседлого) населения. Наиболее зажиточные из них и представители знати использовали для курения металлические кальяны. Те, кто не относился к высшим слоям общества, использовали для курения более дешевые кальяны, основная часть которых (емкость для воды) была выделана из плодов наиболее удобного для этого растения — тыквы-горлянки. Курение кальяна для представителей этих слоев населения часто носило коллективный характер. За небольшую плату в чайной или подобных заведениях можно было сделать несколько затяжек кальяна. «В чайной за чаем и кальяном сарт проводит целые часы», — отмечал В.И. Масальский [Масальский 1913: 402]. Курение кальяна женщинами, вероятно, не приветствовалось. Однако по аналогии с ситуацией в Персии и Турции не исключено, что жены богатых среднеазиатов все-таки курили кальян и трубку.

Интересно отметить, что часто курение табака в кальяне сравнивалось с «испитием» различных напитков (к примеру, чая). Мы наблюдаем сходство ритуала курения кальяна с традиционным среднеазиатским этикетом чаепития.

Как уже было сказано, для курения в кальяне использовались только особые, очень крепкие сорта табака. Вследствие такой крепости кальянный табак употреблялся только в «сыром» (вымоченном несколько раз) виде, а не в подсушенном, как для трубки. Лучшим табаком для кальяна в XIX в. считался, видимо, ширазский (персидский) сорт табака. По крайней мере, в большинстве работ упоминается именно этот табак. На территории Средней Азии скорее всего в кальяне курили привозной персидский табак, так как «белый табак» (высшие сорта табака с золотистой окраской) сеяли в регионе крайне редко. Исходя из других названий кальянного табака, зафиксированных в описании Туркестанского края начала XX в. (так, например, упоминается «каршинский табак» по названию бухарского города Карши на р. Кашка-Дарье [Масальский 1913: 397]), можно сделать вывод о том, что часть табака все-таки производилась непосредственно в некоторых среднеазиатских городах. В сельские районы Средней Азии кальянный табак привозили из городов, в отличие от табака для насвая, который сеяли почти везде [Ершов 1970а: 247].

Другим способом консумации табака в Средней Азии было употребление «жевательного табака» *насвая* (другие варианты — *нос* (горные таджики), *нас* (оседлое население, киргизы), *насыбай* (казахи), который, как уже было нами отмечено, быстро завоевал популярность в Средней Азии. Закладывание насвая под язык являлось самым распространенным способом употребления табака в Средней Азии. Именно этот способ практиковали практически все слои среднеазиатского общества в XIX–XX вв.

Причин такой популярности несколько. Во-первых, табак для приготовления насвая был намного более распространен, чем кальянный. Во-вторых, изготовление насвая не требовало большого труда и привлечения дополнительных материалов. Предметы для приготовления жевательного табака были просты в изготовлении и достаточно доступны. Деревянные ступки имелись практически в каждом доме и использовались для растирания не только насвая, но и других продуктов, как и прочие предметы. Наконец, в-третьих, продавался жевательный табак также очень широко и доступен по цене практически каждому даже сейчас.

Почти все исследователи отмечают тотальный характер употребления насвая: «У редкого туземца нет [с собой] коробочки из тыквы с насваем», — отмечал В.И. Масальский [Масальский 1913: 468]. Даже курильщики кальяна не могли отказать себе в употреблении насвая. В советское время насвай в Средней Азии употреблялся наряду с курением привозных папирос и сигарет. Причем в некоторых районах рассматриваемого нами региона (например, в горных районах Таджикистана) употребление насвая было предпочтительнее, особенно среди женщин, так как курение табака в любом виде считалось для них предосудительным [Ершов 1970а: 246].

Насвай был настолько популярен, что мог входить в состав восточных лакомств и угощений. П.В. Путилов отмечает, что насвай добавлялся в халву в качестве одного из ингредиентов [Путилов 1877: 10].

Насвай представляет собой растертые листья махорки (которые содержат больше никотина, чем листья собственно табака), смешанные с небольшим количеством золы и толченой извести. Туда же могут добавлять кусочки куриного помета, масло и другие ингредиенты в зависимости от местности. Форма готового к употреблению насвая также варьируется от горошин и палочек до мелко натертого порошка зеленого цвета.

Следует заметить, что насвай, конечно же, не является «жевательным» табаком, поскольку его не жуют, а посасывают, помещая под язык [Фридрих 1910: 23]. Этот процесс лишь визуально напоминает пожевывание.

В.П. Наливкин и М.В. Наливкина пишут: «Насвай — это табак вроде нашего нюхательного, который туземец кладет за щеку» [Наливкин, Наливкина 1886]. В.И. Масальский утверждает, что «насвай редко нюхают, главным образом кладут под язык» [Масальский 1913: 468]. Из этого замечания можно сделать вывод, что насвай в каком-либо виде все-таки могли иногда нюхать, т.е. помещать в ноздри. Наконец, до последнего времени живет представление о том, что употребление таким образом мелких крупинок насвая помогает при простуде и насморке.

П.В. Путилов, описывая употребление насвая, предполагает, что табак «потом <после того, как продержат некоторое время во рту> проглатывают» [Путилов 1887: 10]. Однако это предположение вряд ли является верным, во-первых, потому что такой способ употребления табака нигде не зафиксирован; и во-вторых, по причине крайне неприятного вкуса и тяжелых последствий для желудка (по описаниям пробовавших) даже при случайном проглатывании крупиц насвая. Любителям насвая не рекомендуется даже допускать попадания его частиц на губы, которые пос-

ле этого покрываются язвами. Насвай именно закидывают в рот. Вероятно, П.В. Путилову просто не довелось видеть процесс выплевывания отжеванного табака. Н.Н. Ершов, описывая употребление «жевательного табака» в середине XX в., утверждает, что, после того как некто продержит этот табак во рту, его необходимо обязательно выплюнуть, да еще и сплюнуть слюну дважды, для того «чтобы окончательно прочистить рот». Для сплевывания насвая существовали особые приспособления — плевательницы (у горных таджиков они именовались *ностуфунак*). Однако так как табак закладывали под язык практически везде (как дома, так и в общественных местах), а плевательницы в широком обиходе практически отсутствовали, то использованный насвай сплевывали прямо на землю [Ершов 1970а: 246].

Любители насвая чаще всего хранили его в особых табакерках — *носкаду* (*кадуи нос*, *нас кавак*), — выделанных из уже упоминавшейся тыквы-горлянки. О.А. Сухарева, специально изучавшая табакерки для насвая, отмечает сравнительно позднее время появления обычая закладывания табака под язык, соответственно к еще более позднему периоду можно отнести появление специальных тыквенных носкаду. В развитый промысел, по ее мнению, производство таких табакерок превратилось только в конце XIX — начале XX в. Это произошло только после того, как подобные сосуды стали изготавливать из плодов горлянки; они оказались настолько удобными, что совершенно вытеснили старинные деревянные табакерки. Широкое распространение обычая употреблять насвай требовало массового и относительно дешевого производства носкаду. Кроме употреблявшихся ранее деревянных сосудов О.А. Сухарева упоминает также о бытовавших «в старину» в Ташкенте и Ферганской долине табакерках из коровьего рога [Сухарева 1953: 121–122]. Наконец, среди изученных нами предметов из фондов МАЭ присутствует сравнительно небольшого размера табакерка дарвазской работы, выделанная из нефрита [МАЭ. Колл. № 2674–130].

Наряду с носкаду и табакерками из других материалов для хранения жевательного табака широко употреблялись привозные (чаще всего русского производства) металлические коробочки с небольшими лопаточками для закладывания табака под язык. Есть сведения о бытовании в Ферганской долине после прихода русских плоских стеклянных пузырьков, изготавливавшихся, как пишет О.А. Сухарева, специально для хранения насвая [Сухарева 1953: 122]. В советское время «жевательный» табак также могли держать в стеклянных сосудах различного происхождения (флакончики из-под духов, аптечные бутылки и пр.) [Ершов 1970а: 246].

В настоящее время опьяняющее действие табака ставится под сомнение. Чаще речь идет только лишь о «возбуждающем» воздействии никотина. В то же время П.В. Путилов указывает на то, что употребление насвая, приготовленного из более крепкой махорки, «опьяняет на несколько минут», и высказывает предположение о том, что среди местного населения (в особенности у киргизов) был широко распространен обычай добавлять в тертый и молотый табак опиум [Путилов 1887: 10]. Часто отмечают тяжелые по-

следствия для впервые попробовавших насвай⁴. Современные электронные издания пестрят статьями на тему о том, что свободное употребление и распространение насвая является «первым шагом на пути к легализации наркотиков». Как бы то ни было, опьяняющее действие насвая признается и самими потребителями этого средства.

Распространение культуры потребления опьяняющих веществ в Средней Азии (по коллекциям МАЭ)

В фондах МАЭ по Среднеазиатскому региону к теме «*Наркотики и предметы, связанные с ними*» (название дано по каталогу, составленному О.М. Бронниковой и В.А. Вишневецкой [Бронникова, Вишневецкая 1989: 180–222]) относятся около 150 предметов. Интересующие нас содержатся в 32 коллекциях. Хронологически эти коллекции охватывают период поступления с 1892 г. (коллекция № 219, собиратель Э.Э. Ухтомский) по 1974 г. (№ 6753, собиратель А.М. Решетов).

Этнически указанные предметы относятся к ираноязычным (джемшиды, таджики, припамирские таджики), тюркоязычным (каракалпаки, киргизы, туркмены, узбеки, уйгуры, дунгане) народам, а также к хазарейцам.

Необходимо помнить, что зачастую достоверно определить этническую принадлежность коллекционных предметов не представляется возможным. Как пишет В.А. Прищепова, «четкое разделение коллекционного фонда по этническому принципу не всегда соответствовало такому положению вещей. Например, коллекции получались смешанными, если собиратели посещали во время экспедиционной поездки места проживания нескольких народов. В то же время четко разделить коллекционные материалы по этносам не всегда удавалось в стенах Музея антропологии и этнографии» [Прищепова 2000: 165]. Видимо, с этим обстоятельством связано то, что этническую принадлежность большей части предметов определить так и не удалось. Они фигурируют в каталоге под собирательным наименованием «*оседлое население*». Это наименование имеет в самом каталоге достаточно подробное толкование: в связи с тем что до образования Узбекской и Таджикской ССР термины *таджик* и *узбек* «не стали в полной мере этнонимами, носители смешанной культуры были определены первыми исследователями Мавераннахра как *оседлое население Западного Туркестана*, прежде всего крупных городов, вроде Бухары и Самарканда» [Бронникова, Вишневецкая 1989: 180]. Таким образом, предметы с указанным «этнонимом» могут в равной степени относиться как к таджикам, так и узбекам.

Более наглядно сравнительная этническая принадлежность по теме «Наркотики и предметы, связанные с ними» представлена в таблице в Приложении 1.

Следует отметить отсутствие в среднеазиатских фондах МАЭ РАН предметов по изучаемой теме, относящихся к арабам, бухарским евреям, сред-

⁴ «Верненский и Ташкентский табак вызывают у непривычных к нему русских остановку дыхания, замедление сердцебиения и бессонницу» [Путилов 1887: 10].

неазиатским цыганам и татарам. Коллекции по этим этносам вообще являются сравнительно немногочисленными.

Для наглядности поделим коллекционные фонды в соответствии с нашей классификацией. В состав среднеазиатских коллекций по теме входят:

1) *предметы для сбора/изготовления наркотических веществ*: нож для надрезания маковых головок, скребки для сбора опиумного мака, чашки или ступки для растирания табака с аксессуарами (пестиками, камень для того же процесса растирания);

2) *предметы для хранения наркотических веществ*: табакерки, мешки для табака, кисеты;

3) *предметы для употребления наркотических веществ*: кальяны с аксессуарами (навершиями, насадками, щипцами для накладывания углей) для курения табака, чилимы для употребления опиума;

4) *собственно наркотики*: несколько головок опиумного мака, образец табака.

Коллекции предметов по теме исследования охватывают практически весь изучаемый регион. При этом подавляющее большинство относящихся к употреблению наркотиков предметов связано с приготовлением и хранением насвая («жевательного» табака). Указанная особенность состава исследованных нами коллекций подтверждает наши выводы о тотальном распространении конзумации насвая.

Большинство связанных с употреблением наркотиков предметов принадлежит таджикам и оседлому населению Западного Туркестана (т.е. смешанному тюрко-иранскому населению Средней Азии). К этим же этническим группам относится и большинство сложносоставных кальянов и все металлические кальяны (изготовленные из меди). Это обстоятельство может свидетельствовать о превалировании курения кальяна именно в среде указанных этносов.

Предметы из каталога, связанные со сбором опиумного мака и приготовлением его для употребления, относятся только к дунганам и уйгурам. Это подтверждает сделанное нами наблюдение о том, что опий в «чистом» виде производился преимущественно среди указанных этнических групп.

Предметы, связанные с опьяняющими веществами, в собрании МАЭ по Средней Азии

В ходе работы с музейной документацией нами была сделана выборка из 15 коллекций, которые включают в себя 93 предмета.

Этническая принадлежность, год сбора материала	Предметы
припамирские таджики, 1914 г.	мешки для хранения табака (3 шт.), табакерки для хранения насвая (2 шт.), чилимы (2 шт.), щипцы для чилима (1 шт.) [МАЭ. Колл. № 2352]
припамирские таджики, 1916 г.	мешки для хранения табака (1 шт.), табакерки для хранения насвая (1 шт.), чилимы (16 шт.) [МАЭ. Колл. № 2674]
оседлое население г. Ташкента, 1916 г.	табакерки для хранения насвая (3 шт.) [МАЭ. Колл. № 2682]
по оседлое население, 1926 г.	чилимы и аксессуары для них (5 шт.), табакерки для хранения насвая (10 шт.) [МАЭ. Колл. № 3331]
горные таджики, 1926 г.	табакерки для хранения насвая (1 шт.), мешочки для хранения насвая (2 шт.) [МАЭ. Колл. № 3339]
таджики Искандеровской волости, 1927 г.	камень для растирания насвая (1 шт.), ступки для растирания насвая (5 шт.), мешочки для хранения насвая (2 шт.) [МАЭ. Колл. № 3633]
таджики долины р. Искандер-Дарьи, 1927 г.	кисеты для хранения табака (2 шт.), ступки для растирания насвая (7 шт.) [МАЭ. Колл. № 3655]
оседлое население, 1928 г.	табакерки для хранения насвая (6 шт.) [МАЭ. Колл. № 3765]
каракалпаки дельты Амударьи, 1928 г.	чашки для растирания насвая (2 шт.), табакерка для хранения насвая (1 шт.) [МАЭ. Колл. № 3780]
узбеки г. Мерв, 1928 г.	насадки на чилима (2 шт.) [МАЭ. Колл. № 3800]
туркмены г. Мерв, 1929 г.	чилима (1 шт.) [МАЭ. Колл. № 3966]
оседлое население Ташкента и Самарканда, 1934 г.	чилимы (2 шт.), табакерки для хранения насвая (1 шт.) [МАЭ. Колл. № 5222]
оседлое население, 1950 г.	табакерки для хранения насвая (5 шт.), чилим (1 шт.) [МАЭ. Колл. № 5934]
оседлое население, 1935 г.	чилимы (2 шт.), табакерки для хранения насвая (2 шт.) [МАЭ. Колл. № 5309]
киргизы Нарынской области КССР, 1972 г.	ступки для изготовления насвая (3 шт.), табакерки для насвая (1 шт.) [МАЭ. Колл. № 6672]

Таким образом, в зону нашего непосредственного изучения попали предметы, относящиеся к каракалпакам, киргизам, припамирским народам, таджикам, туркменам и «оседлому населению».

Приведем здесь доступные нам данные о собирателях изученных коллекций.

Во время совместной русско-французской экспедиции на Памир летом 1914 г. была собрана коллекция по культуре припамирских таджиков долины Бартанга и Рушана [МАЭ. Колл. № 2352]. В составе экспедиции работали И.И. Зарубин, которому МАЭ поручил сбор коллекционных материалов, и французский иранист Р. Готье (Готьо) [Прищепова 2000: 70–71].

После экспедиции И.И. Зарубина 1915–1916 гг. в припамирские районы Ферганской области и Горную Бухару пополнила фонды МАЭ коллекция № 2674 [Прищепова 2000: 71–72].

Небольшая коллекция (всего 6 предметов) [МАЭ. Колл. № 2682] собиралась, как следует из коллекционной описи, И.И. Зарубиным в 1916 г. среди «сартов Ташкента» и практически полностью состоит из приборов для употребления табака.

Собранная в 1926 г. коллекция относится к оседлому населению [МАЭ. Колл. № 3331]. Составляющие ее предметы куплены по большей части на торговых площадях Самарканда. Музей же в свою очередь приобрел эти предметы у местного археолога и краеведа В.Р. Чейлытко [Прищепова 2000: 112–113].

Предметы коллекции Среднеазиатской экспедиции АН СССР 1926 г. собирал Г.Г. Гульбин у горных таджиков Матчинской волости [МАЭ. Колл. № 3339].

Еще две таджикские коллекции [МАЭ. Колл. №№ 3666, 3655] поступили от Среднеазиатской этнологической экспедиции АН СССР 1927 г. Коллекцию № 3633 предположительно собирала А.Л. Троицкая, а коллекцию № 3655 — Г.Г. Гульбин.

Коллекция, поступившая в Музей от В.Н. Кедрина в 1928 г., относится к «оседлому населению Западного Туркестана» [МАЭ. Колл. № 3765].

Предметы коллекции по хивинским каракалпакам Чимбайского района дельты р. Амударьи [МАЭ. Колл. № 3780] были приобретены Густавом Карловичем Шульцем во время экспедиции 1927–1928 гг. [Прищепова 2000: 172–173; Курьлев и др. 1980: 40].

Коллекция [МАЭ. Колл. № 3800], собранная 1928 г. Среднеазиатской этнологической экспедицией, в состав которой входили Д.Д. Букинича и Э.Г. Гафферберг, И.И. Зарубин, Г.Г. Гульбин и др., относится по большей части к туркменам, казахам и белуджам [Прищепова 2000: 162–165]. Тем не менее, как следует из описи, в коллекции есть предметы, относящиеся к узбекам города Мерв (Мары) [Опись колл. № 3800. Л. 1]. Во время поездки Э.Г. Гафферберг сделала рисунки предметов быта, которые, видимо, легли в основу иллюстраций к описи [Прищепова 2000: 169].

Коллекция, относящаяся к населению Ташкента и Самарканда [МАЭ. Колл. № 5222], как следует из описи, была передана в МАЭ из Военно-медицинской академии Ленинграда в 1950 г.

Коллекция, относящаяся к «туркменам, иранцам и др. народам» [МАЭ. Колл. № 5309], была передана в Музей художником Овсянниковым в 1935 г.

Коллекция, состоящая из тыквенных табакерок и сосуда для чилима [МАЭ. Колл. № 5934], была обнаружена, как следует из заявления М.Д. Торэн, среди вещей покойного Л.А. Динцеса в отделе Европы и передана в отдел Средней Азии в 1949 г.

Коллекция по киргизам Атбашинского р-на Нарынской обл. Киргизской ССР [МАЭ. Колл. № 6672] была собрана сотрудником МАЭ Г.Н. Симановым в 1972 г.

Приведенная в Приложении таблица 2 суммирует имеющиеся у нас данные по исследованным коллекциям.

Предметы для изготовления опьяняющих веществ

В фондах МАЭ имеются следующие предметы, использовавшиеся при изготовлении опьяняющих веществ:

- 1) округлый камень (*санг*), предназначенный для растирания табака;
- 2) различные сосуды (ступки, чашки), предназначенные для приготовления насвая, песты для ступок.

Для приготовления насвая часто использовался округлый камень (*санг*), которым зеленый табак растирался на каменной или деревянной плите. В фондах МАЭ РАН имеется подобный круглый камень 9,5 см в диаметре [МАЭ. Колл. № 3633–91] из селения Шурмашк Искандеровской области Таджикистана. По регистрационным записям А.К. Троицкой, табак для изготовления насвая растирали на плите в сухом виде. Уже растертые табачные листья смешивали с известью и растирали в деревянных ступках деревянным или каменным же пестом.

Такая ступка (*охурча*) была выдолблена из цельного куска дерева и имела, как правило, цилиндрическую форму.

Помимо ступок простой (цилиндрической) формы среди изученных нами предметов фигурируют сосуды более сложной формы — выточенные в виде чашки или рюмки (на точеной ножке), бокала (на точеной ножке и с выступающим венчиком у края сосуда) или кубка (наиболее сложная форма ступки).

Из изученных нами предметов пять ступок происходят из Искандеровской обл. Таджикистана, семь ступок относятся к таджикам р. Искандердарьи, три ступки — к киргизам Тянь-Шаня и две чашки — к хивинским каракалпакам [МАЭ. Колл. №№ 3633, 3655, 6672 и 3780].

Все ступки для растирания насвая, представленные в коллекциях МАЭ, достаточно однообразны и отличаются только степенью обработки и орнаментировки, а также небольшими вариациями формы.

Орнаментация сосудов довольно примитивна. Большая часть ступок не орнаментирована вообще, на ряд сосудов нанесен простой геометрический орнамент (в основном состоящий из линий и неглубоких поясков по всей окружности предмета).

Более сложная орнаментация, по замечанию Г. Гульбина [МАЭ. Колл. № 3655–15 (опись)], была, вероятно, невыполнима из-за поверхности сосуда, которую можно сделать ребристой или разделенной на участки. Реги-

стратор отмечает, что «наряду с прекрасно орнаментированными резными сундучками, <...> деревянными пиоладанами (футляр для среднеазиатской чашки пиалы), нигде в долине Искандер-дарьи <...> да и в соседних с ней районах не удалось встретить орнаментированных охурча».

Почти все ступки сужаются книзу, кроме последней из с. Шурмашк [МАЭ. Колл. № 3633–95], которая сужается кверху. Эта охурча отличается самыми маленькими размерами (высота 10 см, диаметр 7,5 см). Указанная ступка отличается от остальных также и орнаментировкой. Вверху предмета вырезан слегка выступающий венчик, а нижняя часть украшена резным геометрическим орнаментом (рядом параллельных глубоко врезанных линий). В верхней части ступки (чуть ниже венчика) по бокам проделаны две дырочки, видимо, для подвешивания. На остальных ступках подобные дырочки отсутствуют, что заставляет предположить, что эта охурча могла использоваться также и как своеобразное украшение.

Другую отличающуюся от остальных группу сосудов для растирания насвая мы находим в коллекции по хивинским каракалпакам [МАЭ. Колл. № 3780]. В ней мы нашли сосуд, изготовленный из обожженной глины [МАЭ. Колл. № 3780–52], и чашку с ручкой [МАЭ. Колл. № 3780–51].

В коллекциях Музея находятся ступки из Искандеровской волости Таджикистана: четыре ступки из селения Шурмашк [МАЭ. Колл. №№ 3633–92–95] и одна ступка из селения Тах [МАЭ. Колл. № 3633–96]. Высота ступок варьируется от 10 до 18 см, диаметр — от 7,5 до 14 см.

На охурча из с. Тах нанесен геометрический орнамент — несколько параллельных линий, однако врезаны они меньше, чем на ступке под № 3633–95. По форме она напоминает рюмку с массивной ножкой, которая довольно широким перехватом переходит в тело ступки. Высота ступки 15 см, диаметр 10 см.

Обе ступки [МАЭ. Колл. №№ 3633–92, 93] очень грубо обтесаны. В горизонтальном сечении первая ступка (высота 10,5 см, диаметр 14 см) напоминает равносторонний треугольник с закругленными концами. Форма второй ступки (высота 18 см, диаметр 11 см) более округлая.

Ступки, относящиеся к таджикам долины Искандердарьи: охурча из сс. Нарват, Равот, Сарытаг, по две из селений Габируд и Джиджик [МАЭ. Колл. №№ 3655–16, 18, 22, 17, 19, 20–21].

Наибольшая высота ступок 19,5 см, наименьшая — 10,9 см. Наибольший диаметр 13 см, наименьший — 8,2 см. Вторая ступка из с. Габируд — с деревянным пестиком (его длина 17 см).

Ступки выточены в форме бокала (ступка из с. Нарват), чаши (вторая по счету из с. Габируд, ступки из Джиджика и Сарытага) или кубка (первая ступка из с. Габируд, ступка из с. Равот).

Ступка из с. Нарват (высота 12 см, диаметр 8,2 см) выточена в форме кубка, верхний край имеет легкий напуск на внешнюю сторону, чуть ниже напуска по всему предмету проходит простой геометрический орнамент, состоящий из двух параллельных линий. По описи, составленной Г. Гульбиным, пестиком для этой ступки служил камень.

Ступки из сс. Джиджик, Сарытаг и вторая ступка из с. Габируд имеют чашеобразную форму — в нижней их части сделана круглая подножка.

Ступка из с. Габируд (высота ступки 19,5 см, диаметр 13 см) вытесана очень грубо, формы чаши повторены очень приблизительно. По описи, «вся работа носит признаки того, что она произведена с помощью лишь топора».

Данный экземпляр представляет особый интерес, главным образом, из-за своего пестика. По замечанию Г. Гульбина, табак для насвая растирали в ступках каменными пестиками, которые лучше обрабатывали табак и достать которые в местных условиях было куда легче, чем дерево. Пестик к данной ступке подвешен на шерстяной веревке к небольшой железной скобе, которая прибита посередине боковой поверхности верхней части охурча. Пестик представляет собой кусок арчевой ветки, грубо обрубленный на конце. Во время работы деревянным пестиком растирающий человек не толчет его, а круговым движением размельчает табак, подправляя отсыпавшиеся частицы пальцем к краю ступки.

Первая ступка из с. Джиджик (высота 17,8 см, диаметр 13 см) похожа на предыдущую, однако выточена более аккуратно. Боковая поверхность охурчи украшена простым геометрическим орнаментом (несколько параллельно идущих через всю поверхность линий). В нижней части круглая ножка имеет глубокий вырез, идущий кругом.

Вторая ступка из с. Джиджик отличается от первой меньшим диаметром (9,8 см) и малой орнаментацией. Ступка из с. Сарытаг отличается от предыдущих малыми размерами (высота 10,9 см, диаметр 8,8 см).

Первая ступка из с. Габируд (высота 16,5 см, диаметр 11 см) и ступка из с. Работ (высота 17 см, диаметр 10 см) вытесаны в форме кубка.

Высокая точеная подножка ступки из Габируда сделана в виде уступов различной глубины, верхний край охурча имеет несколько выступающий бортик. Орнаментация «кубка» очень скудна — кругом верхней половины ступки идут два неглубоких пояска.

Ступка из Работ орнаментирована еще более скромно — только в средней части проходит круговой поясок.

В фондах МАЭ имеется ряд ступок для изготовления насвая (*насбая*), привезенных Г.Н. Симаковым из Атбашинского р-на Нарынской области Киргизской ССР (киргизы Тянь-Шаня) [МАЭ. Колл. №№ 6672–11, 12, 13]. Две ступки снабжены пестиками.

От предыдущих подобных предметов, относящихся к горным таджикам, они отличаются специальными приспособлениями для ссыпания измельченного «насбая» из сосудов — выступающим носиком (первая и вторая) или полукруглым вырезом (третья).

Вместилище первого сосуда (наиб. диаметр ступки 11,5 см, наим. диаметр ступки 10 см, длина носика 9 см, ширина его у основания 5 см, шир. у конца 3 см, ширина желоба у основания 3,5 см, ширина его у конца 2 см, толщина стенок вместилища по бокам 0,5 см, в передней части 1,5 см, длина пестика 15 см, его диаметр 2 см, длина ремешка 27 см) плавно переходит в носик, который имеет форму усеченного конуса, основанием прилегающего к вместилищу. Носик имеет желобок для насыпания табака. В поперечном сечении желобок имеет форму полукруга, так же, как и внешняя поверхность носика, плавно сужается к концу. С внешней стороны у основания носика имеется поперечное сквозное отверстие, в которое про-

дет сыромятный ремешок из двух полосок кожи, связанных узелком. Еще два узелка (по одному на каждом конце) были завязаны после того, как концы ремешка продели в отверстия самой ступки и пестика, и фиксируют пестик и ступку.

Вместилище ступки имеет в плане овальную форму, внутренняя и внешняя поверхности его сферические. Пестик также сделан из дерева и представляет собой правильный цилиндр со слегка скругленными краями. На одном его конце имеется сквозное отверстие для ремешка.

Вместилище второй ступки (диаметр 10 см, длина носика 4,5 см, ширина носика в широкой и узкой частях полусферы соответственно 1,5 и 1 см). Снаружи донная часть несколько уплощена. Носик имеет форму уплощенного полуконуса, основанием переходящего во вместилище. В носике имеется желоб, повторяющий его форму.

Последняя ступка, как и предыдущие сосуды, овальной формы. Внутренняя поверхность ступки имеет как бы цилиндрическую форму, которая плавно переходит в сферической формы дно. Острые края ступки имеют изнутри срез под углом вовнутрь. Внешняя поверхность ступки членится на плоское круглое дно, верхний и нижний усеченные конусы, которые основаниями прилегают друг к другу. Место их стыков скруглено и не образует угла. Высота верхнего конуса меньше высоты нижнего конуса. На краю ступки имеется полукруглый вырез для ссыпания табака. Там же имеется сквозное отверстие для ремешка, которым пестик привязывается к ступке. Деревянный пестик имеет форму вытянутого цилиндра, в средней его части имеется отверстие для ремешка.

Среди изученных нами предметов представлено несколько «чашек» для изготовления насая (*nasvaj tastagan*), относящихся к хивинским каракалпакам дельты р. Амударьи.

Чашка из селения Ай-Теке (высота 7 см, диаметр 12 см, глубина 3,5 см, длина ручки 7,7 см) [МАЭ. Колл. № 3780–51] не орнаментирована; выдолблена из одного куска дерева, представляет собой почти круглую массивную чашу с круто поднятыми краями и плоским толстым дном. Сбоку имеется прямая, расположенная перпендикулярно к стенке чашки ручка, утолщающаяся к концу.

Чашка, приобретенная (по описи) на Чимбайском базаре [МАЭ. Колл. № 3780–52] (высота 14 см, диаметр горловины 16,5 см, диаметр донца 7,5 см, высота донца 2 см), изготовлена из обожженной глины. Представляет собой горшочек с круто поднятыми боками, с узким доньшком и слегка обозначенным венчиком. С внешней стороны на ступку нанесен геометрический орнамент в виде четырех волнообразных вдавленных линий. На внутренней стороне почти у самого края чашки такой же орнамент из одной волнообразной линии. По форме такой сосуд напоминает небольшой горшочек.

По свидетельству Г.Г. Гульбина, при отсутствии ступки для растирания насая пользуются попросту каменной плиткой небольших размеров, играющей роль «охурчи», и камнем, служащим для растирания.

В малоимущих хозяйствах таким образом размельчали не только табак, но и соль. Приводя в пример размельчение соли камнем на каменной

же плите, следует упомянуть о существовании в таджикских селениях так называемого *санг-и-гармич*. Большая каменная плита (или крупных размеров камень) со сравнительно гладкой поверхностью служит для насыпания соли (иногда зерна), другим камнем (подчас довольно больших размеров), катая его обеими руками, размельчают нужный продукт. Как на пример подобного способа обработки Г. Гульбин указывает на три разновидности, зафиксированные им в Искандеровской волости, неподалеку от долины Искандердарьи, в долине реки Пасруд. В ауле Наджмедина близ селения Шурмашк такая плита представляет собой большой камень около 0,75 м шириной, в с. Тах — больших размеров каменная плита, в с. Пасруд — каменный валун около 2 м высотой.

Можно отметить, что основная масса предметов из коллекций МАЭ РАН для изготовления опьяняющих веществ предназначалась для производства насвая. Это свидетельствует о повсеместной практике изготовления и последующего употребления этого продукта в Средней Азии. Табак и другие ингредиенты для изготовления насвая были легко доступны. В случаях, когда табак не засеивался на месте изготовления насвая, его достаточно просто было достать с ближайшего базара.

Описи коллекций красноречиво свидетельствуют также о простоте изготовления и крайней доступности насвая для представителей всех социальных слоев Средней Азии.

Предметы для хранения опьяняющих веществ в фондах МАЭ:

- 1) мешки для хранения табака и насвая;
- 2) табакерки для хранения насвая.

Приготовленный описанным выше способом насвай пересыпался прямо из ступки либо в тыквенную табакерку (для постоянного употребления), либо в кожаные мешочки.

Наполненная насваем табакерка обычно носилась либо в кармане, либо за поясом. Таким образом, у приверженцев употребления этого вещества, под рукой всегда имелся необходимый запас насвая. В случае если у некоторых из сидящих вместе людей не оказывалось собственного насвая, никого не удивляло, что они, «нисколько не стесняясь, насыпят себе необходимое количество и засунут под язык» (Г.Г. Гульбин). Насколько пришлось наблюдать Гульбину, постесняются взять самовольно (в особенности если уже один-два человека отсыпали себе табака) лишь у людей, стоящих по своему общественному положению гораздо выше окружающих.

В первом случае табак заготавливается впрок. Мешочки, наполненные табаком, обычно висели «наряду с другими предметами таджицкого обихода» на стене в жилище (регистрационные записи Г.Г. Гульбина).

В коллекционных фондах МАЭ представлен ряд кисетов для хранения табака (мешочков), относящихся к таджикам Припамирья, Матчинской волости, Искандеровской волости, долины р. Искандердарьи [МАЭ. Колл. №№ 2352, 2674, 3339, 3633, 3655].

Припамирский мешок для хранения табака (*тамакидан*) мог быть выделан из козьеи (из с. Шудулан на Бартанге), овечьей (из с. Басид на Бартанге) кожи или из шерстяной материи (из с. Шуджан на Бартанге; в фондах отсутствует). Формой подобный мешочек напоминает перевернутый

треугольник с закругленными концами. Верхняя широкая часть мешочка, по всей видимости, стягивалась кожаным шнуром или несколькими ремешками из ткани. Длина таких мешков была около 8 см, а ширина в наибольшей части — 3–6 см.

Мешок для хранения табака (*тамабухалта*) из с. Ляпгар-кишт в Вахане выделан из козьей шкуры мехом наружу. Длина мешка составляет 39 см, наибольшая ширина — 15 см.

Мешок для хранения насвая (*фурук*) из с. Риомут Матчинской вол. Таджикистана, к сожалению, отсутствует в фондах МАЭ РАН. Исходя из содержания описи, этот мешок был сшит из одного куска козлиной кожи, вверху завязывался веревочкой («как у кисетов»). Длина мешочка (по измерениям Г. Гульбина) составляла 12,5 см, ширина — 6 см.

Верхний край мешочка из высушенной мошонки быка (Матчинская волость) [МАЭ. Колл. № 3339–29] обшит бумажной материей вишневого цвета, предположительно также предназначался для хранения насвая. Верхняя часть мешочка перетягивалась веревкой. Длина мешочка 16,5 см, ширина 8,5 см.

Мешочки для хранения насвая (*пустак-и-нос*) обычно суживались и закруглялись к низу. Вверху они обычно завязывались кожаным ремешком или шнурком, один конец которого прикрепляли к краю мешочка.

Очень интересен мешочек из с. Шурмашк Искандеровской вол. [МАЭ. Колл. № 3633–236], выделанный из мошонки (скорее всего бычьей). Низ мешка вышит (сплошная вышивка) разноцветными нитками (желтого, лилового, красного, малинового, черного, голубого цветов). На вышивку нашиты бусины. Средняя часть мешочка украшена нашитыми в два ряда стеклянными пуговицами (часть пуговиц на настоящий момент утеряна). К свободному концу шнура прикреплены разнообразные украшения: два когтя какой-то хищной птицы, серебряное украшение (видимо, взятое от привесок к женским косам) и медная мусульманская монета с полустертой арабской надписью «Нет бога, кроме Аллаха...». Длина мешочка 18 см, ширина 11,5 см. К сожалению, информация, которая могла бы помочь в интерпретации приведенных нами украшений, в фондах Музея отсутствует.

Кожаный кисет для хранения табака (*саноч*) обычно шили так называемым «выворотным» способом из шкуры козленка с двумя кожаными отрогами верхней части, представляющими собой, по-видимому, кожу с лап животного. Мешочки такого типа использовались также для хранения чая и разнообразных мелочей. Среди исследованных нами предметов находятся два практически одинаковых (по материалу и форме) мешочка из с. Джиджик (длина 15 см, ширина 9 см; длина 26,5 см, ширина 9,5 см) [МАЭ. Колл. №№ 3655–101, 102].

По замечанию регистратора коллекции А.К. Троицкой, мужчины-таджики Искандеровской волости носят наполненный табаком мешочек с собой, засовывая его в складки пояса (длинного полотнища из домотканой шерстяной материи).

Кроме вышеописанных мешочков для хранения насвая часто использовались *чайхалта* — мешочки для хранения чая, мелочей и пр.

Большинство табакерок из фондов МАЭ РАН предназначены, как следует из описаний, для хранения насвая. Большинство же табакерок для насвая изготовлены из плодов тыквы-горлянки, которые именовались обыкновенно *носкаду*. О тыквенных сосудах подобного рода и их значении в Средней Азии мы уже писали выше.

Помимо носкаду в фондах МАЭ имеются табакерки для хранения табака и насвая, изготовленные из других материалов.

Чаще всего форма таких табакерок была, как обычно фиксировалось в коллекционных описях, «грушевидной». Со своей стороны мы можем заметить, что наряду с собственно грушевидной формой под этим наименованием в коллекциях по Средней Азии почему-то часто встречаются табакерки ярко выраженной фаллической формы. Видимо, это и была самая распространенная форма табакерок из тыквы-горлянки.

Кроме того, в ходе работы с коллекциями, нам удалось выявить значительное число тыквенных табакерок, изготовленных собственно в форме мужского полового члена. Напомним, что художественная обработка плодов тыквы-горлянки начиналась еще до того, как они снимались с куста [Сухарева 1953: 128]. С помощью перетягивания нитками в процессе роста будущей табакерке придавалась нужная форма — в данном случае форма, повторяющая очертания мужского полового члена.

По свидетельству И.И. Зарубина, табакерки, сходные по форме с половым членом, были весьма популярны среди молодежи. Можно предположить, что среди молодых людей использование таких табакерок объяснялось особой модой. Также вероятно, что такие табакерки были связаны с представлениями о том, что употребление насвая каким-либо образом влияет на мужскую потенцию. К сожалению, документальных подтверждений этому предположению найти пока не удалось.

Сравнительно редки «ребристые» носкаду, плоские с двух сторон. Как пишет О.А. Сухарева, такая форма получалась путем сочетания накладывания на плод тыквы дощечек и перевязывания нитками [Сухарева 1953: 128; МАЭ. Колл. №№ 3331–20, 5934–5].

Таким образом, по форме мы можем выделить следующие типы носкаду:

- 1) «фаллической» формы, изготовленные в форме фаллоса приблизительно;
- 2) формы, точно повторяющей очертания мужского полового члена;
- 3) грушевидной формы;
- 4) фигурной «ребристой» формы.

Исследованные нами носкаду горных таджиков имеют по большей части фаллическую форму. Исключение составляет табакерка из села Мадрушкат, которая имеет форму небольшой груши. Высота этих табакерок варьируется от 12 до 15,5 см, диаметр — от 3 до 6 см.

Две тыквенные табакерки из села Шуджан на Бартанге имеют фаллическую форму. Кроме формы табакерки сходны друг с другом размерами (длина около 15,5 см, диаметр около 6 см) и отличаются друг от друга только цветом. Первая табакерка окрашена в морковный цвет, а вторая — в черный. Окраска была произведена, вероятно, при помощи кипячения в них кунжутного или льняного масла, что придавало поверхности носкаду особую гляцевитость. Как пишет О.А. Сухарева,

такой способ окраски был сравнительно сложным и дорогим [Сухарева 1953: 129].

Вторая табакерка снабжена кожаной завязкой для ношения за поясом, которая прикреплена к средней части табакерки. Кожаная пробка крепится кожаным же ремешком к верхней части табакерки. Пробка первой табакерки сделана из лоскута цветной материи. Завязка к первой табакерке, вероятно, утрачена.

По свидетельству регистратора коллекции И.И. Зарубина, такая табакерка именуется в Орашоре (верхний Бартанг) *капир*, в Шуджане (нижний Бартанг) — *капар*, а в Поршневе (Шугнанг) — *кила*.

Табакерка из села Мадрушкат [МАЭ. Колл. № 3339–290] имеет в отличие от предыдущих форму небольшой груши, т.е. собственно «грушевидную». Размеры: длина 12 см, ширина 3 см. Табакерка снабжена затычкой, представляющей собой кожаную пробку, верхняя часть которой разрезана на ряд узеньких ремешков (15 шт.), к их концам прикреплены разноцветные бусинки (11 шт.).

Табакерки, найденные среди вещей Л.А. Динцеса, имеют фаллическую форму, кроме одной [МАЭ. Колл. № 5934–5], которая имеет фигурную ребристую форму. Высота табакерок варьируется от 13 до 20 см.

Одна из табакерок [МАЭ. Колл. № 5934–4] интересна своей окраской. Табакерка окрашена в красный цвет, однако на сосуде остались неокрашенные кружочки светло-желтого цвета. Таким образом, расцветка носкаду напоминает определенного вида мухомор. По утверждению О.А. Сухаревой, изучавшей производство носкаду в Узбекистане, такой орнамент наносился тестовым способом резервирования. На тывке выкладывался орнамент тестом, замешанным из муки с клеем. Затем она закладывалась в котел с отваром какой-либо краски. Сосуд окрашивался, а резервированные тестом места оставались светло-желтыми [Сухарева 1953: 129]. Высота табакерки 15 см, объем в нижней части 15,5 см.

Остальные носкаду любопытны своей богатой по сравнению с табакерками горных таджиков орнаментировкой.

Одна из них [МАЭ. Колл. № 5934–1], желтого цвета, сплошь покрыта геометрическим и растительным стилизованным орнаментом. Геометрический орнамент представляет собой круги и треугольники, совмещенные так, что напоминают изображения солнца. От круглого отверстия табакерка немного расширена, затем идет немного суженная часть на расстоянии 9 см. Нижняя часть табакерки расширена и имеет округлое дно. Размеры: высота 20 см, объем нижней части 21,5 см, диаметр доньшка 5 см.

Другая табакерка [МАЭ. Колл. № 5934–2] также сплошь покрыта геометрическим орнаментом, а в верхней и нижней части украшена изображениями рыбок (по 4 пары) головками кверху. Табакерка снабжена пробкой-кисточкой из ниток красного и фиолетового цветов. Высота носкаду 18 см, диаметр доньшка 6 см, объем нижней части 19 см, диаметр пробки 5 см.

Еще одна табакерка желтого цвета [МАЭ. Колл. № 5934–3] украшена резным геометрическим стилизованным орнаментом, а также изображениями птиц и животных, кумгана, чилима, ножа и некоего музыкального инструмента. По замечанию регистратора коллекции, которая ссылается

на О.А. Сухареву, такой орнамент наносился женщинами. По сообщению той же О.А. Сухаревой, женщины наносили также и орнамент, подобный нанесенному на сосуд для чилима № 5934–6. Размеры: высота 17 см, диаметр 4 см, длина кисточки 4,5 см.

Табакерка черного цвета [МАЭ. Колл. № 5934–5] имеет в отличие от предыдущих фигурную ребристую форму с тремя выпуклостями в нижней части сосуда. Две стороны носкаду плоские, на них нанесен орнамент в виде выпуклых ломаных линий. Боковые стороны с выпуклостями, образованными от перетяжки тыквы при ее росте. Высота табакерки 13,5 см, наибольшая ширина 7 см.

Табакерки из коллекции художника Овсянникова имеют фаллическую форму.

Носкаду красного цвета [МАЭ. Колл. № 5309–6]. Нижняя и верхняя части окрашены в лиловый цвет. Табакерка снабжена пробкой — кисточкой из бумажных ниток красного цвета. Высота носкаду 13 см, окружность нижней части 15,5 см.

Табакерка желтоватого цвета [МАЭ. Колл. № 5309–7] интересна своей орнаментировкой. В основном сосуд украшен резным геометрическим орнаментом, а в средней части с трех сторон изображены кальян с щипчиками, чайник с чашкой и чайджуш. Высота табакерки 13 см.

Табакерка, поступившая из Ленинградской Военно-медицинской академии, желтого цвета, фаллической формы, с кисточкой красного цвета. Длина сосуда 16,5 см.

Табакерки из коллекции В.Н. Кедрина в основном фаллической формы. Исключение составляют №№ 5 и 6. Первая имеет фигурную ребристую форму, а вторая — форму мужского полового члена.

Носкаду под № 1 кирпично-красного цвета. Табакерка интересна своей орнаментировкой, которая представляет собой «фантастический орнамент», нанесенный лилово-черной краской. Орнамент состоит в основном из кругов и полос, напоминает чешую. Высота табакерки 15,5 см, окружность наибольшая 15,5 см.

На неокрашенный сосуд под № 2 также нанесен любопытный орнамент: геометрический и бытовой — ножницы, чилим и аэроплан. Пробка из бумажных шнурков красного, синего и «канареечно-желтого» цветов. Высота табакерки 16,5 см, окружность наибольшая 16,5 см.

Еще одна табакерка светлого оттенка с геометрически орнаментированными поясками вверху, посередине и внизу [МАЭ. Колл. № 3765–3]. Снабжена волосяной пробкой. Высота 14 см, окружность наибольшая 14 см.

Четвертая табакерка не окрашена, как и вторая, орнаментировка также схожа; в медальонах, кроме того, вырезаны различные изречения. Высота 23 см, окружность наибольшая 25,5 см.

Пятая табакерка коричневого цвета, в отличие от остальных имеет фигурную форму с ребристым краем и гладкой тыльной стороной. Снабжена пробкой из цветных бумажных шнурков.

По форме отличается также табакерка под № 6, она выполнена в форме мужского полового члена. Табакерка, однако, не закончена, в частности, отсутствует отверстие в «головке» сосуда для закладывания насвая. Цвет

носкаду черный. Высота табакерки по прямой 14 см, наибольшая окружность 19,75 см.

Носкаду из коллекции археолога и краеведа В.Р. Чейлытко, приобретенные в Самарканде и Ташкенте, в основном фаллической формы, кроме №№ 24 и 25 (грушевидная форма) и № 26 (формы мужского полового члена).

Одна табакерка (высота 14 см, диаметр наверху наибольший 9,5 см, внизу 17 см) [МАЭ. Колл. № 3331–17] украшена поясами, идущими в три ряда и состоящими из геометрических фигур. Между поясами нанесены рисунки птиц и предметов обихода: в верхней части изображены кальян, птички и цветы, а в нижней — лошади и птицы. Вся табакерка светло-желтого цвета. Орнамент процарапанный, и линии заполнены черной краской (приобретена в Самарканде).

Еще один сосуд (высота 13 см, наибольший объем внизу 15 см) [МАЭ. Колл. № 3331–18] в отличие от предыдущей табакерки украшен только геометрическим орнаментом. Имеется затычка из бумажных ниток красного и фиолетового цветов (г. Самарканд).

Другая носкаду [МАЭ. Колл. № 3331–19] не орнаментирована. Табакерка отличается от других своей конструкцией — отверстие для табака в ней расположено «внизу», т.е. в утолщенной части сосуда. Высота 12 см, наибольший объем внизу 11,5 см (г. Самарканд).

Следующая по номеру табакерка украшена вдавленным орнаментом, окрашена в темно-коричневый цвет. Затычка к табакерки произведена из красных бумажных ниток. Высота 10 см (г. Самарканд).

Обработка ряда носкаду [МАЭ. Колл. №№ 3331–21, 23, 24, 25] не закончена. Одна табакерка находится в процессе обработки с наложенными тисочками для выдавливания орнамента. Перевязь белыми нитками. Высота 10 см. Еще один сосуд не окрашен. Отверстие для насыпания табака также не просверлено. Длина 12,5 см, объем внизу 12 см, объем сверху 10 см (г. Самарканд).

Одна табакерка из Ташкента имеет грушевидную форму, не окрашена, однако имеет изображения животного, исполненные вдавленным бисером [МАЭ. Колл. № 3331–24]. Высота 9 см, объем сверху 16,5 см. Следующая табакерка из Ташкента также не закончена, имеет те же размеры и форму, что и предыдущая.

Табакерка из Самарканда фаллической формы окрашена в красный цвет, затычка из красных бумажных ниток [МАЭ. Колл. № 3331–22]. Длина 11,5 см, объем внизу 14 см, объем сверху 11 см.

Узбекские табакерки из коллекции И.И. Зарубина (г. Ташкент) имеют форму мужского полового члена.

Одна носкаду желтого цвета. Длина 16 см, ширина 6 см, диаметр отверстия 0,5 см. Другая снабжена пробкой из белой, тщательно обработанной кости. Длина 17 см, ширина 6 см; длина пробки 3 см. Обработка же последнего номера вовсе не окончена: не доделано отверстие для пробки и не вынуты семена. Тыква окрашена в черный цвет. Длина 14 см, ширина 7 см.

Каракалпакская *nas-kedu* коричневого с красным оттенком цвета из коллекции Г.К. Шульца имеет фаллическую форму с вытянутым длинным горлышком с небольшим круглым отверстием на конце. На сосуд сверху

нанесен орнамент в виде полос и надрезов, расположенных бессистемно. Снизу табакерка украшена изображением дерева. Общая длина 18,5 см, окружность сосуда 19 см, диаметр горлышка 3,5 см.

Табакерки для хранения насвая, выполненные из других материалов. По свидетельству О.А. Сухаревой, до начала массового производства носкаду (рубеж XIX–XX вв.) в Средней Азии бытовали деревянные сосуды для хранения насвая, а также табакерки из коровьего рога [Сухарева 1953: 121–122].

Среди изученных нами предметов из фондов МАЭ РАН особенно выделяется табакерка (*насвор, насвордон*) горных таджиков, сделанная из нефрита (с. Вамар на реке Пяндж) [МАЭ. Колл. № 2674–130]. Табакерка имеет конусообразную форму, с двух сторон отшлифована. По показанию владельца, табакерка дарвазской работы. По сравнению с тыквенными табакерками нефритовая отличается небольшими размерами (длина 7 см, наибольшая ширина 4 см). Отсутствующая затычка предположительно могла выполняться из тех же материалов, что и затычки к табакеркам из тыквы-горлянки.

Табакерка киргизов Тянь-Шаня [МАЭ. Колл. № 6672–14] выполнена из рога крупного рогатого скота (диаметр широкого конца 4,5 см, диаметр узкого — 1 см, толщина стенок рога 0,3 см). Острый конец рога срезан и имеет небольшое отверстие для насыпания табака. Вокруг отверстия вырезан ободок-манжетка. Другой конец рога срезан перпендикулярно. Оба конца должны иметь пробки. В своей широкой части рог имеет желтый цвет (скорее всего сектор остался неокрашенным), а в узкой — черный. Внешняя поверхность рога отполирована.

Роговые табакерки, видимо, были достаточно однотипны и различались лишь деталями отделки. Они делаются из отпиленного на нужной высоте рога, имеют деревянное дно, которое вынимается, когда табакерка наполняется табаком. Табак обычно высыпается через верхнее отверстие, проделанное в острие рога и закрываемое пробкой [Сухарева 1953: 122].

Напомним, что в тыквенных табакерках табак засыпался и высыпался через одно отверстие сверху. Рассмотренная нами нефритовая табакерка также имеет одно отверстие. Очевидно, таким образом, менее удобная конструкция табакерок из рога.

Как видим, орнаментация табакерок для хранения насвая и табака отличается заметно большим разнообразием, чем орнаментировка сосудов для изготовления насвая. Это объясняется тем обстоятельством, что плоды тыквы-горлянки больше подходили для окраски и нанесения орнамента, чем цельные куски дерева. Интересно, что изученные нами табакерки из нефрита и коровьего рога вообще не орнаментированы.

Орнаментация табакерок с изображением птиц, животного с человеческим лицом, лошадей и аэроплана [МАЭ. Колл. №№ 5934–3, 5309–7, 3765–2] весьма сходна со стилем творчества узбекской мастерицы Хикоят-ой, описанной О.А. Сухаревой [Сухарева 1953: 136]. Можно предположить, что орнаментация указанных сосудов выполнена ею.

Как пишет в своем исследовании О.А. Сухарева, сюжеты для орнаментов таких сосудов чаще всего заимствовались «из окружающей жизни» [Сухарева 1953: 134]. Вместе с тем отбор мотивов для воспроизведения и нередко форма, в которую они вылились, во многом определялись глубокой традицией и являлись ее продолжением, так же, как древней традицией определялось использование тыкв в качестве сосудов [Сухарева 1953: 138–139].

В коллекционных описях мы также находим подтверждение повсеместного распространения употребления насвая. В районах, к которым относились рассмотренные нами предметы, употребление насвая было широко распространено. По свидетельству А.К. Троицкой, в с. Шурмашк чилим (кальян) почти не курили, а нос употреблялся повсеместно как мужчинами, так и женщинами. Г. Гульбин утверждает, что «нос» в долине Искандердарьи употребляют женщины и подростки начиная с очень раннего возраста (примерно с 13 лет). Г.К. Шульц в описях коллекции утверждает, что употребление *nasvaj* «чрезвычайно распространено как среди мужчин, так и среди женщин каракалпаков».

Способы употребления насвая, зафиксированные регистраторами коллекций, также подтверждают сведения о том, что насвай держали во рту, посасывая, лишь небольшое время, а потом выплевывали. Как указывает в описях Г.К. Шульц, «*nas-kecu* — неразлучная с каракалпаком табакерка, которую он носит в кармане жилетки или в поясе; табак обычно насыпается из табакерки на левую ладонь, а затем кладется под язык».

Приборы для употребления опьяняющих веществ

Наиболее распространенным прибором для употребления опьяняющих веществ на территории Средней Азии был кальян. Посредством кальяна курили табак, через него же употреблялся опиум.

В фондах Музея не зафиксированы специальные приборы для курения гашиша и других препаратов из индийской конопли. Вероятно, эти вещества употреблялись посредством тех же приборов, что и табак с опиумом. Не исключено, что и разделение чилимов на те, посредством которых курили табак, и те, в которых употреблялся опиум, достаточно условно. В нашей работе мы пользуемся сведениями, полученными при изучении коллекционной документации.

Традиционный кальян состоит из четырех частей: основной части (собственно *чилима* — резервуара для воды), трубки с верхушкой для разжигания табака, трубки для курения. По описанию Э.Г. Гафферберг, при употреблении в основную часть кальяна наливается воды немного больше, чем наполовину. В нее вставляется трубка, на верхний конец которой насаживается обычно глиняная верхушка, на последней разжигается табак. Вторая трубка вставляется обструганным концом в отверстие, а утолщенный конец берется курящим в рот. При вдохе нижнее отверстие закрывается пальцем. Курящий, взяв чилим, сначала делает несколько вдохов, не затягиваясь, просто чтоб разжечь табак, и, когда последний хорошенько задымится, втягивает дым в легкие.

Кальяны для курения табака. Среди изученных нами кальянов для курения табака из коллекций МАЭ находятся приборы, основные части которых (резервуары для воды) изготовлены из плодов тыквы-горлянки, дерева, глины и меди. Тыквенные кальяны, так же, как и тыквенные носкаду, имеют по большей части фаллическую форму.

Нами изучен ряд кальянов для курения табака таджиков Припамирья (с. Шуджан на Бартанге).

Деревянный кальян [МАЭ. Колл. № 2352–97] имеет фаллическую форму, состоит из 4-х частей: нижняя часть (*cilim*) представляет собой высокий точеный грушевидный сосуд, куда наливается вода и вставляется трубка, доходящая почти до самого дна *cilim*-а, точеная в своей верхней части, выходящей из *cilim*-а; на нее надевается глиняная обтянутая кожей воронка, куда кладут табак и уголь; в верхней части собственно *cilim*-а два расположенных друг напротив друга отверстия: одно небольшое для тяги, в другое, побольше, вставлен деревянный вырезанный от руки мундштук *paу*.

Нижняя часть другого чилима [МАЭ. Колл. № 2352–98] сделана из выдолбленной продолговатой тыквы, сдавленной посередине. Чилим также имеет фаллическую форму. Орнамент средней части собственно чилима геометрический, состоит из десяти процарапанных вертикальных линий, почти параллельных друг другу сверху (расстояние между линиями от 0,5 до 1 см), книзу расстояние между ними увеличивается (от 1,5 до 2 см). Линии верхней части плавно переходят в орнамент нижней части чилима, который состоит из хаотических геометрических узоров. Отличается от предыдущего кальяна более плавными и округлыми формами.

Кальян из с. Сидж на р. Гунт черного цвета [МАЭ. Колл. № 2674–184]. Резервуар для воды изготовлен из коровьего рога. Внизу рог обтянут кожаными полосками. Кроме резервуара для воды в комплект кальяна входит трубка, проводящая дым через воду (деревянная, в наружной части резная), и воронка для табака и угля. Воронка глиняная — из мундштука, изготовленного из тальника. В отличие от предыдущих приборов этот кальян не фаллический, а своей уплощенной формой напоминает уже рассмотренную нами роговую табакерку. Длина кальяна 37,5 см, наиб. ширина 5 см; длина воронки 5,5 см, диам. воронки 1,8 см, наиб. ширина воронки 2,5 см.

Кальян из с. Мун (р. Гунт) [МАЭ. Колл. № 2674–185] также состоит из резервуара для воды, изготовленного из коровьего рога уплощенной формы (внизу рог обтянут кожей), деревянной трубки, проводящей дым через воду и воронки для табака и угля. Каменная воронка крепится к мундштуку, изготовленному из тальника. Длина кальяна 38 см, наиб. ширина 9 см (снизу).

Туркменский кальян [МАЭ. Колл. № 3966–1] состоит из резервуара для воды, изготовленного из одного куска дерева в форме груши с узкой средней частью, поставленного на дно в 2 см толщины. Чилим имеет три отверстия. В верхнее, на самой макушке корпуса имеющее 2,5 см в диаметре, вставляется трубка, тоже деревянная, полая, не доходящая до дна чилима часть этой трубки, возвышающаяся над корпусом чилима, украшена резьбой в виде кругообразных выступов и вырезов. Другие два отверстия расположены на верхнем утолщении груши, на противоположных сторонах чилима: одно — на расстоянии 1,5 см от верхнего края чилима, другое —

немного ниже, на расстоянии 3,5 см от этого края. Верхнее имеет 1,5 см в диаметре. В него вставляется трубка, деревянная полая, украшенная резьбой в виде кругообразных вырезов. Один конец ее утолщен, другой, вставляющийся в отверстие корпуса чилима, обструган. Высота корпуса основной части 24 см, диаметр верхней части 7 см, средней части 6 см, нижней части 12 см. Длина первой трубки 34 см, диаметр верхнего отверстия 2 см, нижнего — 1,5 см, кругообразных выступов на трубке — 4 см. Длина второй трубки 22,5 см, диаметр всего сквозного отверстия трубки «в» 1 см, утолщения на трубке — 2,5 см. Общая высота (со вставленной второй трубкой) 38 см. Верхушка чилима в фондах отсутствует.

Кальян оседлого населения [МАЭ. Колл. № 5222–12] состоит из тыквенного сосуда для воды, двух трубочек и глиняного сосуда для табака, окрашенного в фиолетовый цвет. Высота тыквенного сосуда 23 см, длина первой трубки 45 см, второй трубки 27 см, высота сосуда для табака 9 см.

Помимо полных, четырехчастных кальянов для курения в фондах МАЭ имеется ряд неполных приборов, а также отдельные приспособления для курения табака, попавшие в круг нашего внимания.

Один чилим для курения табака явно неполон. В коллекции имеются резервуар для воды, выделанный из тыквы-горлянки и неокрашенный, а также мундштук из бамбуковой трубки, входящей в сосуд из тыквы, в который вставляется чашечка для табака (чашечка отсутствует). Бамбуковые трубочки орнаментированы резным линейным орнаментом. Высота основной части кальяна 26 см, трубки 38 см.

Верхняя часть другого неполного кальяна для табака, по форме напоминающая подсвечник [МАЭ. Колл. № 5309–2], сделана из желтой меди, к ней присоединена кожаная гофрированная трубка красноватого цвета с медным мундштуком. Высота верхней части 28 см, длина трубки 1 м 83 см. К сожалению, нам удалось изучить этот медный кальян только по описи.

Еще один неполный кальян [МАЭ. Колл. № 5222–13] состоит из тыквенного резервуара для воды, окрашенного в черный цвет, одной трубочки и сосуда для табака. Высота сосуда 25 см, длина трубки 38 см, высота сосуда для табака 12 см.

Помимо неполных кальянов, состоящих из двух-трех частей, нами был изучен ряд частей кальяна: резервуары для воды и различного рода насадки на чилим.

Следующий тыквенный сосуд для кальяна [МАЭ. Колл. № 5934–6] представляет собой резервуар для воды, сплошь покрытый резным штриховым орнаментом, геометрическим, стилизованным растительным и изображениями животных (в том числе животного с человеческим лицом), птиц и др. В верхней части сосуда проделаны три отверстия для трубок.

Насадка на узбекский кальян из Мерва [МАЭ. Колл. № 3800–16], в которой разжигаются угли, исполнена на гончарном круге. Боковые стенки, чуть расширяющиеся книзу, украшены пятью чуть выраженными конусами, отделяющимися друг от друга небольшими выпуклыми поясками. Вверху насадка быстро расширяется и образует фигурный дисковидный венчик, наверху которого имеется чуть отогнутый наружу поясок. И поясок, и диск орнаментированы, по Э.Г. Гафферберг, «мелким коротким и

гребенчатым штампом». Внутри венчик имеет форму конуса. Высота насадки 10,5 см, диаметр верхнего отверстия 4,7 см. По словам регистратора, туркменское и узбекское название насадки *cilimbas*.

Насадка на кальян (узбеки, г. Мерв) [МАЭ. Колл. № 3800–22], в которой разжигается табак-*чилимбаши*. По словам регистратора Э.Г. Гафферберг, насадка хивинского образца. Изготовлена на гончарном круге. Сосуд от линии наибольшей ширины постепенно сужается к основанию и более резко — к венчику. Верхняя часть насадки орнаментирована тремя линиями отпечатков мелкого гребенчатого штампа шириной 1–1,5 см. Высота 8 см, диаметр наиболее широкой части сосуда 8,2 см.

Насадка из коллекции В.Р. Чейлытко (г. Самарканд) четырехгранной формы, пирамидальная [МАЭ. Колл. № 3331–11]. В верхней части предмета тремя рядами горизонтально проходит точечный орнамент. Для верхнего ряда выбран треугольник, вершиной кверху, за ним — два наклонных пересекающихся среза. Высота 5 см, ширина грани вверху 4 см, ширина грани внизу 3 см. По описи, названа продавцом *сардана*.

Другая насадка (приобретена в Самарканде) конусообразной формы [МАЭ. Колл. № 3331 12]. Окрашена светло-зеленой глазурью. Высота 8 см, объем вверху 18,5 см, объем внизу 11 см. Местное название насадки также *сардана*.

Еще одна насадка из Самарканда [МАЭ. Колл. № 3331–13] такой же формы, как и предыдущая. Окрашена темно-желтой глазурью, на фоне глазури нанесены темно-красные пятна, которые окружены кольцом точек светло-желтого цвета. Высота 9 см, объем вверху у края 18 см, внизу 11 см.

Насадка из Ташкента [МАЭ. Колл. № 3331–14] имеет такую же форму. Окрашена темно-желтой глазурью, а верхний край покрыт марганцевой краской, которой бесформенными мазками полита вся форма. Орнамент ромбовидный, нанесен небрежно. Высота 15 см, объем вверху 30 см, объем внизу 18 см.

Кроме отдельных частей кальяна в фондах МАЭ нами рассмотрен ряд дополнительных приспособлений для курения кальяна. Среди изученных нами предметов находятся плоские железные щипцы *atasgil* с загнутыми концами для накладывания в чилим углей из с. Шуджан на Бартанге [МАЭ. Колл. № 2352–99]. Длина щипцов 13,5 см, ширина 0,8 см.

Изображения таких щипцов, встречающиеся на тыквенных сосудах, наряду с изображениями кальянов, заставляют предположить, что они являлись неременным атрибутом курения чилима. Наличие в фондах МАЭ только одного экземпляра подобного рода приспособлений объясняется, видимо, их однотипностью.

Приборы для курения опиума (чилимы) из фондов МАЭ можно разделить на две группы.

1. Четырехчастные приборы, визуально и типологически напоминающие кальян. Наглядным примером этого типа может служить кальян, который состоит из глиняной плоски — светильника, в котором подогревался опиум, жестяной воронки, которой плоска прикреплялась к остальным частям, наконечника из кожи тыквы и вставленной в наконечник трубки для вдыхания дыма [МАЭ. Колл. № 2674–186].

2. Приборы, состоящие из двух частей — трубки и наконечника для опиума. В наконечнике, видимо, подогревался опиум, а через трубку осуществлялось курение.

Вот как А.Н. Самойлович описывает типичный туркменский прибор для курения опиума: «Посередине кошмы стояла лампочка в виде круглой коробки с трубкой для фитиля; лампочка (без стекла) накрыта стеклянным колпаком, имеющим сверху дырку для выхода жара. Курильщик берет крохотный шарик терьяка, забивает его в дырку курительной трубки, подносит трубку к колпаку над лампой так, чтобы дырка, забитая терьяком, оказалась над горячим отверстием колпака, и, лежа животом на кошме, начинает курение». Трубка состояла из двух частей: прямой полой тростниковой палочки и полого грушевидного наконечника с дыркой для забивания терьяка, длина трубки была «вершка в четыре» [Самойлович 1908: 12].

Практически все остальные исследованные нами предметы для курения опиума относятся именно к этому типу.

И четырехчастные кальяны для употребления табака, и приборы для курения опиума именуется в описях чилимами. Мы же для удобства восприятия будем называть чилимами только последнюю группу предметов.

Чилимы припамирских таджиков. Чилим из с. Хора на р. Гунт (Шунган) [МАЭ. Колл. № 2674–186] имеет деревянную трубку с наконечником из тыквы-горлянки и жестяную воронку, на которой закрепляют светильник — глиняную плоску, на которой подогревается опиум. Длина трубки 38 см, длина наконечника 10 см. Диаметр плоски 8 см, воронки 13 см.

Чилимы для курения опиума из г. Хорог на р. Гунт [МАЭ. Колл. № 2674–187–199] состоят из деревянной прямой трубки с глиняным наконечником (куда закладывается опиум) и воронки, вставленной в наконечник.

Первый наконечник миниатюрный, в форме луковицы, тонко выделанный, видимо, употреблялся женщинами (по предположению д.и.н. Р.Р. Рахимова). Орнамент простой геометрический: по 3 горизонтальных, параллельных друг другу линии в верхней, средней и нижней частях «луковицы». Воронка прибора глиняная. Конец трубки для уплотнения при вставлении в наконечник обмотан тряпками. Длина трубки с наконечником 42 см, длина наконечника 7 см.

Другой глиняный наконечник имеет в отличие от предыдущего овальную форму. Наконечник грубой работы, бесформенный. В комплект прибора входит воронка, приспособленная из части старой керосиновой лампы. Конец трубки также обмотан тряпками. Длина 34 см, длина наконечника 7 см (диаметр 2 см).

На наконечнике следующего чилима проделано маленькое отверстие — для притока воздуха. Наконечник грубый бесформенный. Длина 36 см, диаметр 4,5 см.

Форма еще одного наконечника (резервуара для опиума) грушевидная. На боку наконечника находится отверстие для притока воздуха. Нижняя часть наконечника обтянута крест-накрест кожаными ремешками. В комплект прибора входит жестяная воронка грубой работы. Длина 115 см, диаметр 6 см.

Следующий прибор для курения опиума состоит из трубки, изготовленной из ветки с выдолбленной сердцевинной. Трубка вставлена в глиняный наконечник очень грубой работы. Сбоку наконечника сделано отверстие для притока воздуха. Конец трубки, входящий в отверстие наконечника, для уплотнения обмотан тряпками. Длина чилима 32 см, длина наконечника 4 см.

Остальные чилимы [МАЭ. Колл. №№ 2674–193, 194, 196, 197 и 199] сходны по конструкции и материалу с предыдущим.

В отличие от остальных предметов из того же места один чилим [МАЭ. Колл. № 2674–192] имеет каменный наконечник. В комплект прибора входит куполообразная воронка, покрытая отверстиями. Для уплотнения конец трубки, входящий в наконечник, также обмотан тряпками. Длина чилима 42 см.

Наконечник чилима № 2674–195 деревянный. Конец трубки также обмотан тряпками. Длина чилима 27 см, длина наконечника 9 см.

Несмотря на то, что приведенные нами приборы для курения опиума фигурируют в описях как *чилимы*, очевидно, что с традиционным кальяном (который, напомним, часто называли «водяной трубкой») они имеют мало общего, так как в них отсутствует резервуар для воды, через которую проходит дым, прежде чем попасть в рот курильщика. Чилим [МАЭ. Колл. № 2674–186], вероятно, мог включать в себя сосуд для воды, поскольку тыквенный наконечник конструктивно напоминает сосуды для воды у «традиционных» кальянов. Однако остальные двухчастные чилимы использоваться как кальяны явно не могли и употреблялись, видимо, так, как этот процесс описан в вышеприведенном пассаже А.Н. Самойловича.

Итак, в данной главе нами были рассмотрены основные предметы, связанные с употреблением опьяняющих веществ в Средней Азии на рубеже XIX–XX вв.

Для курения табака использовались в основном «традиционные» кальяны. В то же время опиум употребляли путем курения в чилимах — приборах, имеющих с кальяном мало общего. Практика такого употребления опиума зафиксирована и в изученной нами литературе. Специальные приборы для курения гашиша и иных производных конопли в музейной документации не зафиксированы. Это обстоятельство может свидетельствовать как о том, что гашиш курили как в исследованных нами приборах для опиума и табака, так и совершенно иным способом, не зафиксированным в фондах Музея.

Употребление опьяняющих веществ на территории Средней Азии имеет давнюю историю. В отношении табака — это несколько веков, а препараты опиумного мака и конопли употребляли по меньшей мере со времен раннего средневековья.

В статье мы попытались составить достаточно подробную картину употребления опьяняющих веществ на территории Среднеазиатской этнографической области на рубеже XIX–XX вв.

Кроме этого, нами были исследованы коллекционные фонды Музея антропологии и этнографии по народам Средней Азии. В работе были рассмотрены основные типы предметов, использовавшиеся для изготовления, хранения и употребления опьяняющих веществ.

Для изготовления насвая использовались особенного рода ступки с пестиками, камни или каменные плиты, для хранения табака и насвая — разнообразные мешки и табакерки, для употребления табака — кальяны, а опиума — специальные, подробно описанные нами приборы.

Кроме того, далеко не случайно то обстоятельство, что подавляющее большинство изученных нами предметов относится к изготовлению и хранению насвая (с этим веществом связано без малого две трети исследованных экспонатов). Наиболее часто встречающимися предметами в каталогах музейных коллекций также являются ступки для размельчения насвая и табакерки для хранения этого вещества (носкаду). Именно этот продукт являлся самым доступным и популярным «опьяняющим веществом» на территории Средней Азии в рассматриваемый период и продолжает им оставаться до сих пор, лишь в некоторой мере уступив свое первенство современным видам наркотических веществ, употребление которых к тому же носит интернациональный характер.

Было бы опрометчиво заявить, что данной работой исчерпывается этногеографическое описание употребления опьяняющих веществ на территории Средней Азии. За рамками исследования остались периоды, предшествующие хронологическим рамкам работы (т.е. времени, когда были сформированы основные рассматриваемые нами традиции наркотической консумации), однако важные для понимания этнической природы такого употребления.

Почти неизученным остался также и новейший период истории наркомании в Средней Азии, в который, вероятно, сохраняются некоторые элементы рассмотренных обычаев.

Начатое исследование может стать первым шагом на пути к полной и всесторонней характеристике употребления опьяняющих веществ в рассматриваемом нами регионе.

Изучение такого важного этнографического источника, каковым являются музейные коллекционные фонды, включающие в себя изъятые непосредственно из обихода предметы, призвано оказать неоценимую помощь при решении такого рода задач.

Приложение

Таблица 1

**Сравнительная этническая принадлежность
предметов по теме «Наркотики...» в фондах МАЭ по СРЕДНЕЙ АЗИИ
(этносы даны в алфавитном порядке)**

Этнос	Предметы	Кол-во предметов
Джемшиды	Чилимы	2
	Табакерки	3
	Всего:	5
Дунгане	Головки опиумного мака	4
	Нож для надрезания маковых головок	2
	Скребок для сбора опиума	1
	Всего:	4
Каракалпаки	Чашка глиняная для растирания насвая	1
	Чашка дерев. для растирания насвая	1
	Табакерка тыквенная	1
	Всего:	3
Киргизы	Ступы с пестом для приготовления табака	4
	Табакерка из рога	1
	Образец опийного мака	1
	Всего:	6
Оседлое население	Табакерки тыквенные	42
	Приборы для курения (кальяны) тыкв.	7
	Кальян медный	1
	Навершия кальянов	7
	Всего:	57
Таджики	Ступка для растирания табака	12
	Камень для растирания табака на каменной плите	1
	Кальяны	4
	Приборы для курения опиума	13
	Щипцы для накладывания углей в чилим	1
	Мешки для табака	5
	Табакерки тыкв.	5
	Табакерка из нефрита	1
	Кисеты кожаные	6
	Всего:	48
Туркмены	Кальян (курительный прибор)	1
	Насадки на кальян	2
	Всего:	3
Узбеки	Табак	3
	Табакерка	2
	Навершие из глины для чилима	1
	Всего:	6
Уйгуры	Комплект орудий для сбора опиума (нож, скребок, банка)	2
	Сосуд тыкв. для хранения насвая	1
	Скрепки для сбора опиумного мака	1
	Всего:	4
Хазарейцы	Ступка для толчения табака	1
	Табакерка из тыквы	1
	Чилимы (курит приборы)	2
	Щипцы для подкладывания углей в чилим	1
	Всего:	5

Таблица 2

**Сравнительная таблица исследованных в работе коллекций МАЭ
по теме «Наркотики и предметы связанные с ними»**

Номер кол-лекции	Собиратель (источник поступления)	Этнос (место сбора)	Год сбора	Общее кол-во №№	Кол-во №№ по теме «Наркотики и предметы, связанные с ними»
2352	И.И. Зарубин, Р. Готье (Готье)	Таджики Припамирия	1914	243	8
2674	И.И. Зарубин	Таджики Припамирия и Горной Бухары	1916	204	18
2682	И.И. Зарубин	Сарты Ташкента	1916	4	3
3331	В.Р. Чейлытко	Оседлое население	1926	26	15
3339	Г.Г. Гульбин	Таджики долины Матчинской вол.	1926	383	3
3633	САЭЭ	Таджики	1927	351	8
3655	САЭЭ	Таджики долины р. Искандер-Дарьи	1927	400	9
3765	В.Н. Кедрин	Оседлое население	1929	6	6
3780	Г.К. Шульц	Каракалпаки дельты р. Амударьи	1928	70	3
3800	Д.Д. Букинич, Э.Г. Гафферберг	Узбеки г. Мерв (Мары)	1928	37	2
3966	Д.Д. Букинич, Э.Г. Гафферберг	Туркмены г. Мерв (Мары)	1924	1	1
5222	ВМА г. Ленинграда	Оседлое население	? (год поступл-я в МАЭ — 1934)	21	3
5309	худ. Овсянников	Оседлое население	1935	19	4
5934	Л.А. Динцес	Оседлое население	? (год поступл-я в МАЭ — 1950)	6	6
6672	Г.Н. Симаков	Киргизы	1972	121	4

Библиография

- Masson V.M.* The Enviroment // History of civilizations of Central Asia. Frane, 1992. Vol. 1.
- Бронникова О.М., Вишневецкая В.А.* Каталог коллекций отдела Средней Азии и Казахстана МАЭ // Сб. МАЭ. Л., 1989. XLIII. С. 180–222.
- Брюн Е.А.* Опыт использования антропологического принципа в анализе наркологических проблем // Этнографическое обозрение. 1998. № 1.
- Вамбери А.* Очерки Средней Азии. М., 1868.
- Вамбери Г.* Очерки жизни и нравов Востока: Пер. с нем. СПб., 1877.
- Гадло А.В.* Этнография народов Средней Азии и Закавказья: Учеб. пос. СПб., 1998.
- Ершов Н.Н.* Пицца // Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе, 1970а.
- Ершов Н.Н.* Народная медицина // Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. 2. Душанбе. 1970б.
- Курьлев В.П., Люшкевич Ф.Д., Сазонова М.В.* Этнографические собрания МАЭ по народам Средней Азии и Казахстана // Сборник МАЭ. Л., 1980. Т. XXXV.
- Лыкошин Н.С.* Полжизни в Туркестане: Очерки жизни туземного населения. Вып. 1. Пг., 1916.
- Масальский В.И.* Туркестанский край // Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1913. Т. 19.
- Мейендорф Е.К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару: Пер. с франц. М., 1975.
- Наливкин В.П., Наливкина М.В.* Очерки быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886.
- Нуралиев Ю.Н.* Медицина эпохи Авиценны. Душанбе, 1981.
- Остроумов Н.П.* Сарты: Этногр. материалы. Ташкент, 1896.
- Прищепова В.А.* Коллекции заговорили. СПб. 2000.
- Путилов П.В.* Из путевых этнографических наблюдений совместной жизни сарт и русских. Омск, 1877
- Самойлович А.Н.* Туркменские развлечения. СПб., 1908.
- Семенов А.А.* Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. М., 1903.
- Сухарева О.А.* К истории художественного ремесла в Узбекистане (Производство табакерок) // Сборник МАЭ. М.-Л., 1953. Т. XIV.
- Троицкая А.Л.* Из прошлого календаров и маддахов в Узбекистане // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975.
- Фридрих А.Н.* Бухара. Этнографический очерк. СПб., 1910.